

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никулин А.М.

**Неформальная экономика домохозяйств сельской России:
региональные и отраслевые особенности, взаимодействие
с государством и обществом**

Москва 2018

Никулин А.М. директор научно-исследовательского центра аграрных исследований
ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы,
выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте
Российской Федерации на 2017 год

Оглавление

1 Неформальная экономика сельских домохозяйств во взаимодействии с государством и обществом в России и мире	5
2 Методология социологического исследования сельской неформальной экономики	20
3 Результаты эмпирического исследования	29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	45

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики обусловлена тем, что в последние десятилетия сельские территории всех регионов мира сталкиваются с усложнением глобального социально-экономического контекста своего устойчивого развития (и даже выживания) в связи с формированием международного продовольственного и агропромышленного рынков, диктующих свои требования сельскому хозяйству всех стран. Нарастающие и ужесточающиеся тенденции глобализации порождают схожие последствия на сельских территориях, невзирая на конкретные региональные и страновые условия (доминирование агрохолдингов, исчезновение деревень, формирование городских агломераций с сельскими субурбанизационными пригородами и пр.), однако глобализационному и государственническому давлению противостоит иная тенденция – глокализация, или сохранение местными сообществами собственной социальной и хозяйственной специфики, прежде всего, за счет инструментов неформальной экономики. Последняя может выступать одновременно в двух ипостасях: и как инструмент противостояния местных сельских сообществ навязываемым «сверху» (государством, рынком или международным бизнесом) моделям социально-экономического развития («оружие слабых» по Дж. Скотту); и, наоборот, как инструмент максимально безболезненного и успешного встраивания местных сельских сообществ в новый социально-экономический контекст современной жизни.

В российском обществе сегодня подобный потенциал неформальной экономики как никогда важен, а потому в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса и продовольственного эмбарго особое значение обретают меры государственной, региональной и муниципальной политики, направленные на консолидацию и эффективную (с экономической и социальной точек зрения) поддержку многоукладной экономики, формируемой тесным взаимодействием и переплетением элементов формальной и неформальной экономик. В сельской России проблемы неформальной экономики имеют свою ярко выраженную отраслевую и региональную специфику, связанную как с культурно-природной (географической и исторической), так и социально-экономической дифференциацией. Полимасштабное междисциплинарное исследование стратегий взаимодействия различных институциональных форм неформальной экономики с государством и обществом на региональном и локальном уровнях в сельской России будет способствовать разработке моделей и стратегий реализации конкретных сценариев оптимального и устойчивого развития сельских территорий России с учетом потенциала неформальной экономики.

1 Неформальная экономика сельских домохозяйств во взаимодействии с государством и обществом в России и мире

Признание значения неформальной экономики для российского общества и, в особенности для сельской России, настало в основном в поздний период перестройки. Принятие закона о кооперации (1988), расширение рыночных отношений, все это способствовало реабилитации, легитимации, а главное расширению таких типичных массовых явлений неформальной экономики, как нерегистрируемая семейная занятость, вторичная занятость, расширение сетей межсемейной экономики, челночный бизнес и т.д.

Для становления в СССР научного понимания и анализа значения неформальной экономики большую роль сыграла статья британского социолога Теодора Шанина «Формы хозяйства вне систем», опубликованная в главном советском академическом философском журнале «Вопросы философии» в 1998 году [1]. В статье были проанализированы основные этапы, имена, научные подходы, связанные с неформальной экономикой в мире и России. Но Шанин не ограничился лишь публикацией в России аналитических текстов, а также организовал в 1990-1993 годах большой социологический британско-российский исследовательский проект «Социальная структура советского (после 1991 года – российского) села». В этом проекте около 30 социологов работали антропологическими методами длительного включенного наблюдения в 12 регионах и 36 селах бывшего СССР. Целью проекта было изучение реальной экономики сельской России на основе использования методов количественного и качественного анализа. Комбинация сведений местной сельской статистики с устными историями крестьян, их семейными бюджетами, а также длительными наблюдениями за институциональной структурой колхозов и совхозов, особенностями функционирования власти на селе позволили собрать огромный эмпирический материал, подтверждающий важную, порой определяющую роль неформальной экономики в сельской России.

Коллеги и ученики Шанина по проекту во второй половине 1990-х годов по материалам данного проекта, а также последующего, хотя и более локального, но также и более специализированного проекта «Реальная экономика российского села» (1995-1996) создали ряд аналитических типологий сельских семейных домохозяйств, их неформальных взаимоотношений с экономикой колхоза, проанализировали патрон-клиентские структуры власти в сельской России. Результаты данных исследований были, прежде всего, опубликованы в книгах «Крестьяноведение» (1996, 1997, 1999) и сборнике научных статей «Неформальная экономика: Россия и мир» (1999) [2; 3].

Третье важное исследование под названием «Неформальная экономика семейных домохозяйств: реструктуризация семейных сетей и стратегий» было проведено совместно ко-

мандой сельских социологов Шанина и социологов-экономистов команды Вадима Радаева. В данном проекте были детально проработаны вопросы функционирования неформальных сетей межсемейного обмена, их типологизации в сельско-городском континууме [4].

Дальнейшее развитие изучение сетей межсемейного обмена получили уже в середине 2000-х годов при участии Центра крестьяноведения в большом европейском исследовательском проекте «Семейно-родственные сети и социальная безопасность» [5]. В каждой из восьми европейских стран – Швеции, Франции, Германии, Австрии, Италии, Словении, Польше и России – для антропологического исследования было выбрано одно сельское сообщество и один городской микрорайон. Антропологи и социологи исследовали особенности функционирования сетей kinships (семейно-родственно-дружеской поддержки) в городской и сельской среде каждой страны. Один из парадоксальных результатов исследования сказался, например, в том, что в московском микрорайоне объемы солидарности kinships оказались самыми минимальными в сравнении с остальными городскими микрорайонами остальных семи стран, и наоборот, российское село оказалось на первом месте по объемам и масштабам сетей kinships в сравнении с семью селами остальных семи европейских стран.

В 2010 году на базе Центра крестьяноведения МВШСЭН был создан Центр аграрных исследований РАНХиГС. Несмотря на свой весьма формально официальный статус новый Центр продолжил предшествующую традицию изучения сельской неформальной экономики в особенности ее новейшие проявления, связанные с проникновением в последнее десятилетие в сельское хозяйство России крупного финансового и сырьевого российского и международного капитала, формирующего на месте старых колхозов и совхозов новые сверхкрупные аграрные корпорации, в одном из исследований центра названных, как олигархозы [6]. Таким образом, тема слияния власти и бизнеса в процессах российского и международного landgrabbing'a (земельных захватов), исследование моделей аграрного рейдерства и коррупции является одним из приоритетных направлений в работе Центра аграрных исследований, наряду с продолжением традиционных исследований трансформации неформальной экономики сельских домохозяйств и сообществ [7].

На рубеже 1990-х – 2000-х годов изучение сельской неформальной экономики получает распространение и развитие в ряде региональных исследовательских центров России. Здесь особенно надо отметить Санкт-Петербургский Центр независимых социологических исследований (руководитель – Виктор Воронков) и Иркутский Центр независимых социологических исследований и образования (руководитель – Михаил Рожанский). Одна из главных исследовательских тем Санкт-Петербургского Центра – этничность, миграции и национализм. В ее рамках было реализовано уже более 30 исследовательских проектов, и проблемы неформальной экономики находили свое выражение в изучении экономики неформального

сектора сельских мигрантов и их диаспор в городских пространствах России. Другая важнейшая исследовательская тема ЦНСИ – изучение и переосмысление советского наследия: в рамках этой темы были предприняты исследования по антропологии конструирования и строительства советских сельских многоэтажек, функционирования их реальной (часто неформальной) экономики [8]. Иркутский Центр за последние десять лет реализовал ряд таких исследовательских сельских проектов, как «Депрессивные поселки: бедность в наследство?», «Сельские сообщества Прибайкалья: стратегии освоения ресурсов в условиях реформы местного самоуправления», «Становление местного самоуправления в сельских поселениях: приоритеты и стратегии социальной политики» [9; 10]. В каждом из проектов было проанализировано значение неформальной экономики в выживании местного населения.

В постсоветский период, кроме уже упомянутого замечательного вклада Теодора Шанина в исследование сельской неформальной экономики, надо также отметить методологическое и теоретическое значение работ американского антрополога Джеймса Скотта, чьи книги и аналитические категории – «Моральная экономика крестьянства», «Оружие слабых», «С точки зрения государства» – пользуются громадной популярностью у российских исследователей сельской неформальной экономики [11; 12; 13]. Впрочем, сам Скотт никогда не занимался собственно полевыми исследованиями сельской России. Однако за последние пятнадцать лет долговременные полевые исследования российских сельских неформальных отношений были плодотворно осуществлены рядом западных ученых. Здесь, прежде всего, надо отметить работы британского антрополога Каролин Хэмфри, в особенности ее книгу «Маркс ушел – но Карл перед нами» [14], где глубоко исследована эволюция советских и постсоветских неформальных отношений на примерах бурятской сельской местности. Британский сельский географ Джудит Пэллот в содружестве с российским географом Татьяной Нефедовой опубликовала интересную книгу по результатам полевых исследований о причинах выживаемости экономики сельских домохозяйств, в том числе и с точки зрения значения неформальной экономики, «Русское неизвестное сельское хозяйство» [15]. Также британский антрополог Патрик Хедди и американский антрополог Гамбольд Миллер провели исследование неформальных экономических отношений, связанных с производством картофеля в сельских домохозяйствах России. А своеобразные итоги *informal potatoes studies* (неформальных картофельных исследований) были недавно подведены американским антропологом Нэнси Рис в статье «Онтология картошки: Выживание постсоциализма в России» [16].

Но не только структуры повседневного существования неформальной экономики мелких сельских домохозяйств плодотворно изучали западные исследователи. Надо также отметить чрезвычайно актуальные исследования немецкого географа Петера Линднера, посвященные трансформации колхозной экономики сельских сообществ в постсоветский период,

подытоженные в книге «Колхозный архипелаг» [17]. Большой вклад в понимание неформальных оснований устойчивости крупных аграрных предприятий в постсоветской России внес своей работой «Crucial connection: the persistence of large-farms enterprises in Russia» («Принципиальные связи: Причины устойчивости крупных форм хозяйствования в России») голландский антрополог Оане Виссер [18]. Наконец, надо отметить чрезвычайно плодотворный компаративистский подход американского политолога Джессики Алины Пизано в изучении неформальных оснований российских и украинских аграрных реформ, изложенный в книге «The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth» («Постсоветские потемкинские деревни: политика и права собственности в черноземных регионах России») [19].

На сегодняшний день в научной литературе разных стран накоплен и обобщен уже достаточный опыт взаимодействия сельских неформальных экономических структур (rural informal economic structures) с формальными институтами в различных регионах мира. Однако работ, посвященных изучению неформальной экономической деятельности сельских домохозяйств (informal economic activities of rural households) и ее взаимосвязям с такого рода институтами, крайне мало. Такое невнимание со стороны научной общественности к неформальной экономике сельских домохозяйств можно объяснить тем, что их деятельность в различных регионах мира зачастую не пересекается с формальными экономическими структурами и поэтому достаточно трудоемка для статистического учета и социологического анализа. Вместе с тем этот сектор экономики в отдельных странах по разным оценкам достигает сопоставимых с формальным сектором объемов.

Например, по данным International Institute for Environment and Development (IIED) (Международного института окружающей среды и развития), в ряде африканских стран в 2015 году в неформальном секторе экономики было создано до 90% рабочих мест, а его доля в ВВП достигала 38% [24], и немалая часть в нем приходилась на сельские домохозяйства. Так, по данным того же издания, большинство африканских фермеров используют неформальные связи для доступа к рынкам сбыта, а население местных сообществ диверсифицирует свои заработки за счет деятельности в несельскохозяйственном неформальном секторе экономики, которые оцениваются в 40-45 % от среднего дохода сельских домохозяйств. Автор статьи ссылается на заявление IIED, в котором утверждается, что неформальная экономика до сих пор приравнивается к нелегальному сектору и таким образом сталкивается с сильным давлением со стороны формальных институтов с целью ее легитимации. Однако легитимация неформальной экономики не должна рассматриваться правительствами и другими заинтересованными сторонами в качестве наилучшего и единственного вектора ее дальнейшего развития. Поскольку входной билет в формальную

экономику с ее недешевыми товарами и услугами может оказаться слишком дорогим для большинства акторов неформального сектора. И, хотя со стороны формальных структур высказывается обоснованная обеспокоенность отсутствием регулирования и контроля за производством и сбытом товаров и услуг в неформальной экономике, что может быть опасным для потребителей, автор считает, что этот факт не может быть поводом для подталкивания их к обязательной формализации.

Так, по словам автора, большинство африканских стран не имеет достаточного количества организаций и предприятий, функционирующих в формальном секторе, поэтому неформальная экономика играет важную роль в обеспечении благосостояния сельских домохозяйств. Вследствие этого целесообразным было бы сохранить за субъектами, действующими в сельских регионах Африки, право на определение основных черт и характеристик своей экономики. И первым шагом в этом направлении, по мнению автора статьи, должно быть использование такой информации, которая позволила бы повысить производительность, эффективность и безопасность труда в сельской неформальной экономике, что, в свою очередь, привело бы к увеличению ее доходности и расширению возможностей для доступа сельских домохозяйств к товарам и услугам.

То, что между сельскими формальной и неформальной экономиками существует более тесная и сложная взаимосвязь, чем это принято считать, было продемонстрировано еще в работах начала текущего века, в частности, в статье Билла Реймера о неформальной экономике сельских регионов Канады [25]. В своем анализе автор отталкивается от более ранних исследований, в которых приводятся убедительные доказательства того, что неформальная экономическая деятельность представляет собой специфическую часть сельских регионов [26; 27], которые не являются простым анахронизмом предыдущего уровня развития. Поэтому в своей работе Реймер полагает, что эти регионы играют важную роль в поддержании деятельности формальной экономики. Целью своей работы автор считает понимание взаимосвязи между этими двумя экономиками, позволяющее разработать чувствительную к этой взаимосвязи политику и планы возможного развития сельских регионов. Без такого понимания функционирования формальной экономики существует реальный риск неправильного измерения ее экономического роста, не учитывающего важные для нее неформальные отношения и деятельность, и позволяющего проводить нецелесообразную политику в отношении решения сельских проблем. Однако понимание этой взаимосвязи может выявить новые возможности для функционирования сельской экономики в быстро меняющихся условиях современного мира.

Реймер замечает, что терминологически неформальная экономика по-разному представлена в популярных и академических изданиях. Так, в первых она часто обозначается

как «нелегальная», «невидимая», «второстепенная», «неправильная» или даже «криминальная». А вот терминологические различия между «рыночным» и «нерыночным», «оплаченным» и «неоплаченным», «законным» и «незаконным» являются неотъемлемой частью академического дискурса. В целом же неформальная экономика включает в себя разнообразные виды деятельности по производству, распределению и потреблению «не учитываемых» товаров и услуг. Такая терминологическая вариативность, по мнению автора, отражает факт социального конструирования отличий в процедурах распознавания (идентификации) неформальной и формальной экономик, которое является своеобразной заменой формулированию их отличий в качестве само собой разумеющихся определений. В основе такого рода конструирования лежат цели и интересы субъекта, аргументирующего то или иное явление, исходя из контекста, в котором происходит эта деятельность [28; 29]. Именно такой подход к пониманию неформальной экономики Реймер кладет в основу своего исследования.

Чтобы разобраться в подходах к пониманию неформальной экономики, автор выделяет три типа интересантов: административные, практические и теоретические. Обычно интерес к неформальной экономике со стороны администраторов возникает в результате их обеспокоенности возможностями контроля за рыночными обменах, осуществляемого в целях планирования, регулирования и налогообложения. Следствием этого является институциональная озабоченность способностью измерения экономической активности и ее последующим регулированием. Такой подход не всегда согласуется с более теоретическими подходами, представленными в научной литературе, — особенно с теми, которые нацелены на осмысление и понимание экономической деятельности по существу. Автор сожалеет о том, что такие потребности в измерениях зачастую диктуются интересами какого-либо спекулятивного исследования. Так, традиционные экономисты, часто рассматривают неформальную деятельность, в качестве внешней, по отношению к формальной экономике, ослабляя тем самым внимание к тому различению, которое диктуется практикой, а не теорией. В политическом дискурсе неформальная экономика часто отождествляется с уклонением от уплаты налогов и преступной деятельностью, тем самым усиливая требования к ее элиминации [30; 31].

Реймер считает свой подход к различению формальной и неформальной экономик более инклюзивным, по сравнению с рассмотренными выше. Так, с точки зрения административного подхода, формальная экономика в основном включает в себя регистрируемую экономическую деятельность, в частности, это — сделки законного бизнеса, осуществляемые зарегистрированными государственными учреждениями. С другой стороны, к неформальной экономике автор относит такое производство, распределение, потребление

товаров и услуг, которые имеют экономическую ценность, но не защищены формальными кодексами законов, и не зарегистрированы регулируемыми органами в качестве получателей государственной поддержки. Эта экономика, по его мнению, включает в себя, кроме нелегальной деятельности, еще и большое количество легальной экономической деятельности, такой как самообеспечение, бартер, волонтерская работа, неоплачиваемый труд, уход, производство средств к существованию и все, что связано с ценообразованием на основе дружеских отношений и договоренностей, отличающимся от текущих рыночных расценок. Вместе с тем Реймер, исходя из практических соображений, исключил из рассмотрения в качестве неформальной криминальную экономику. В своем исследовании он ориентируется на ту деятельность в неформальной экономике, которую можно рассматривать как законную. Этот подход, по его мнению, увеличивает информационное пространство (extent), в котором такие виды деятельности взаимодействуют с экономикой и, в частности, с формальной экономикой.

В своей работе Реймер, в отличие от традиционного подхода к рассмотрению домохозяйства как экономической единицы, в расчеты которой не включены «услуги, производимые в домашних хозяйствах для собственного потребления, а также волонтерская работа» [32], учитывает производство для сферы собственного потребления домохозяйства как часть неформальной экономики, но рассматривает его в отдельных частях анализа. Обычно к нерыночным видам деятельности домохозяйств, с которыми, как правило, возникают проблемы с измерениями (в системах национальных счетов), относят, например, коллективный уход за детьми, ремонт, обучение, сбор урожая и т. п. Однако, по мнению автора, такие виды деятельности домохозяйств работают и на неформальных рынках, оказывая при этом значительное влияние на формальную экономику. Так, множество услуг и обменов товарами, осуществляющиеся вне аудиторской сферы, все же оказывают влияние на рыночные цены [33; 34]. Это же относится и к домохозяйствам, которые не производят товары и услуги для открытого рынка, но существенно влияют на покупательский спрос на нем [35], и тем самым приносят значительную пользу экономике [36].

Исходя из этого, Реймер в своем эмпирическом анализе опирается на несколько моментов взаимодействия неформальной экономики с формальной. Одним из основных моментов этого взаимодействия, по его мнению, является способность неформальной деятельности быть независимой и иметь самостоятельный доход. Теории модернизации, по его мнению, относят неформальную экономику к традиционным системам, которые с усилением глобализационных тенденций будут в значительной степени изживать себя. Так, например, К. Харт [37], предполагает дальнейшее оцепенение неформальной экономики в ее традиционном варианте, как и ее основных консервативных участников, упорствующих в

своей устойчивости к изменениям и остающихся в прошлом. Однако Реймер считает, что такого рода взгляды на будущее не в состоянии дать адекватное объяснение пролонгации неформальной экономической деятельности в индустриальных обществах и установлению важных связей между неформальной и формальной экономиками.

Еще одним важным моментом взаимодействия неформальной экономики с формальной является, по мнению Реймера, способность первой к компенсации своим участникам негативных результатов формальной экономической деятельности, посредством обеспечения им системы социальной защиты. Так, в арсенале неформальной экономики находится несколько способов такой компенсации [38]. Например, она обеспечивает альтернативный источник товаров и услуг, недоступный для формальной экономики, из-за отсутствия в последней таковых или слишком высоких цен на них. Если же, по мнению автора, к этому источнику добавить нелегальную деятельность в рамках неформальной экономики, то ее влияние становится масштабным, особенно на международном уровне. Таким образом, неформальная экономика обеспечивает экономическую поддержку в течение рецессии или опору при переходе в периоды структурных изменений.

Автор приходит к выводу, что неформальная экономика представляет собой значительный ресурс социальной поддержки, безопасности и услуг. Он считает, что она приобретает все большее значение в современном мире, когда нормой становится неполный рабочий день, прерванная карьера или низкая заработная плата. Поэтому «без коллективной поддержки со стороны неформальной экономики мы сталкиваемся с призраком социального отчуждения и разочарования, что ставит под угрозу социальную основу формальной экономики» [25, с. 19]. Таким образом, автор предлагает политикам не искать способы поглощения неформальной экономической деятельности посредством систем налогообложения и регулирования, а сфокусироваться на поисках способов содействия этой деятельности, позволяющего ей получить более легкий доступ к формальной экономике.

Изучению неформальной экономики в разных странах мира посвящено множество эмпирических исследований. В частности, большинство проектов «Сиды» (Sida)¹ полностью или частично нацелены на неформальную экономику. Одно из таких исследований проводилось под руководством К.Ф. Бекер, а его результаты были опубликованы в 2004 году [39]. В нем была предпринята попытка углубленного изучения и понимания того, что представляет из себя неформальная экономика на самом деле. Бекер считает, что со времени «открытия» неформальной экономики в начале семидесятых годов большинство исследователей стали определять ее как маргинальную и периферийную, при этом не

¹ Sida — Агентство международного сотрудничества в области развития. Ведомственная принадлежность — Министерство иностранных дел Швеции. Главной своей задачей Sida считает оказание содействия в преодолении бедности и улучшении условий жизни людей в разных странах мира.

связанную с формальным сектором и не имеющую отношения к современному капиталистическому развитию. Причем некоторые из них верили в то, что неформальная экономика в развивающихся странах обязательно исчезнет. Однако, по ее мнению, многие из этих стран на сегодняшний день достигли достаточных уровней экономического роста и современного индустриального развития, но их неформальная экономика не только не сокращается, но и непрерывно растет, даже в сельских районах.

В подтверждение этой точки зрения автор приводит несколько статистических показателей. Так, доля несельскохозяйственных занятых в неформальной рабочей силе составляет: в Африке — 78%, Латинской Америке и Карибском бассейне — 57% и Азии — от 45% до 85%. Причем во всех развивающихся странах samozанятость охватывает большую часть неформальной занятости, в отличие от занятости по найму. В частности, samozанятость составляет 70% неформальной занятости в странах, расположенных к югу от Сахары, а если исключить Южную Африку, то ее доля составит 81%; 62% — в Северной Африке, 60% — в Латинской Америке и 59% в Азии [40]. Исходя из этой статистики, автор приходит к выводу, что неформальная занятость в развивающихся странах в несельскохозяйственных отраслях составляет от 30% до 40%. Такую тенденцию автор объясняет тем, что неформальная экономика более стабильна в тех странах, где доходы и активы сильно дифференцированы у разных групп населения. К тому же она считает, что, если экономический рост не сопровождается улучшением уровня занятости и распределения доходов, то неформальная экономика не сокращается. Поэтому неформальная экономика сегодня уже не может рассматриваться как временное явление. А последние десятилетия показали, что она имеет значительный потенциал для трудоустройства и получения дохода разными группами населения. Вследствие этого, автор полагает, что разработки стратегий, ориентированных на неформальную экономику, исходящие от соответствующих политических структур, не должны препятствовать потенциалу неформальной экономики в части создания рабочих мест и ее экономического роста.

Вместе с тем, замечает Бекер, исследования, проводившиеся при поддержке Sida, показали, что государственные структуры большинства развивающихся стран знают о масштабах неформальной экономики, но есть только две страны (Никарагуа и Танзания), которые имеют официальное определение этого сектора. В других странах некоторые учреждения вместо официального создают свои собственные определения неформальной экономики. Так, во Вьетнаме сектор домохозяйств делится на три категории. Первая категория состоит из семей, специализирующихся на сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и производстве соли для собственного потребления. Вторая категория состоит из таких индивидуальных бизнесов, как уличные торговцы и поставщики услуг с низким

доходом, а также домохозяйства с семейным подрядом. Обе эти категории освобождены от регистрации бизнеса и налогов. Третья категория домохозяйств должна подать заявку на регистрацию бизнеса и уплатить налоги, но требуемые для этого процедуры намного проще, чем для частных предприятий и компаний [41].

Исследовательский интерес к проблемам, связанным с пониманием сущности неформальных практик, как и стремление к накоплению и систематизации феноменологических свидетельств о разных «формах неформальности» обусловлен рядом причин. Во-первых, потребностью все более детального анализа повседневных практик человеческой жизнедеятельности – не случайно интенсивное исследование неформальной экономики началось исторически совсем недавно, в последней четверти XX века. Во-вторых, стремлением увидеть и зафиксировать некие обобщенные панорамы и узловые точки подобного рода «аналитического вхождения» в область повседневного существования – неформальность хотя и сродни произвольности, даже некой скандальной «отстегнутости» от порядка заведомых установлений и внешней распорядительности, однако особая, довольно замысловатая логика развития отношений формального и неформального в хозяйственно-экономических практиках начинает просматриваться в ряде аналитических опытов все отчетливей. В частности, к настоящему времени в экономико-социологической науке сформулированы основополагающие методологические принципы понимания феномена неформальной экономики. Они состоят в том, что подобного рода экономика собирает в себе ряд определенных типов деятельности, которые автоматически не ориентированы на извлечение прибыли, которые совершаются не столько ради достижения заранее просчитанных и спроектированных специальных целей, сколько для поддержания некой нормальной меры стабильности и привычности жизненных отправлений, для реализации целей выживания, благосостояния и социального воспроизводства.

Несмотря на то, что развернутое исследование, в частности неформальной экономики, началось сравнительно недавно – уже после того, как экономика как важнейший общественный институт была изучена достаточно глубоко и подробно, неформальность («неформальная экономика») оказывается по сути не просто элементарным отрицанием, понятийным элиминированием формальности (что, как уже сказано, грамматически выражается в употреблении отрицательной частицы «не» как способа простейшего именованного данного класса социально-экономических явлений – экономика «формальная»-«неформальная»), неформальность первична и натуральна, как что-то произвольно возникшее, самовольно ставшее. Об этом в науке говорилось мало и, как правило, не специально. Между тем исследование этого вопроса очень важно, поскольку способствует уяснению основополагающих ориентиров.

Этическая проекция в рассмотрении сущности неформальных (в частности – неформально-экономических) отношений позволяет увидеть их исходный, перво-начальный, то есть открывающий разнообразные перспективы и возможные дальнейшие преформирования, статус. Причем все вероятные эволюции начинаются с языка как единственной среды человеческого осуществления. «Нежелание говорить формальным языком воспринимается как более естественное и человеческое. Оно статистически более часто, чем приглашение к правовым отношениям, что кажется менее человеческим» [42, с. 4]. Кстати, дискурс бюрократических (и в целом официально-чиновничьих) практик – как вербально-коммуникативных, так и воплощаемых в писанных документах – нарочито формализован и стилистически уплотнен, редуцирован, сведен к довольно узкому кругу взаимоподдерживающих построений, куда почти невозможно пробиться мелодическому рисунку живой, не скованной принудительными установлениями, неформальной человеческой речи.

Именно исходная человечность неформальных отношений придает им свойства изначальности, естественности и тем самым формирует особую атмосферу, в которой акции субъектов протекают в режиме достаточно широкой свободы. Именно от неформальности как исходного состояния совершается переход в формальность, то есть в качественно иной строй, распорядок и дисциплину отношений. И хотя сама механика таких переходов не слишком сложна и, в основном, выражается в нарочитой смене дискурса, результатом их оказывается то, что субъекты немедленно переходят в существенно иные жизненные обстоятельства и пространства. Как разъясняет В.В. Бибихин, «действия фиксации, записи на бумагу... отмечают переступание некоего порога и вхождение в особый режим отношений» [42, с. 4]. Судя по всему, этически и эмоционально такой переход оказывается совсем не нейтральным и бесстрастным. Он с необходимостью отягощен некой суммой переживаний, указывающих на явную деформацию и порой даже крушение того традиционного рисунка социальных отношений, которые в их полноте были зафиксированы в пронизательной интуиции, схваченной Ф. Теннисом в понятии «Gemeinschaft». Получается, что субъект чуть ли не инстинктивно сопротивляется его втягиванию (часто принудительному) в область формального, где его непременно ожидает лабиринт правил и предустановлений, погруженный к тому же в особую, как правило недружелюбную, этическую и коммуникативную атмосферу.

«Так же, как обычное право погружено в непросвеченную жизненную почву, есть способы принуждения, которые трудно определить и даже уловить, но которые не менее эффективны, а иногда более эффективны, чем приемы полицейского контроля» [42, с. 9]. Это замечание Бибихина чрезвычайно важно для понимания той атмосферы, той социальной

среды, где вольготно (удобно, уютно, спрятано и т.д.) располагаются акты так называемой неформальной экономики. Кстати, последнюю лучше называть ненаблюдаемой, невидимой, потому что заведомо понятно, что для наблюдения нужен наблюдатель, субъект – внешний, чужой, выделенный. А в случае ненаблюдаемой экономики сельских домохозяйств наблюдателя просто нет, он присутствует в своем принципиальном отсутствии, потому что он – всеобщий, распределенный, тотальный. Этот фактически отсутствующий «наблюдатель» работает исправно и повседневно: реализует акции, питаемые властью людей, которые хотят, чтобы делались именно так, а не иначе. В рентгеновском поле такого круглосуточного наблюдения становятся заметны акты «делания не так», которые пресекаются, санкционируются – тоже невидимыми, ненаблюдаемыми, анонимными процедурами и поступками. Мы специально занимались изучением форм и норм присваивания (попросту говоря – воровства) разнообразных ресурсов, принадлежащих крупным сельскохозяйственным институциям и, прежде всего, важно отметить, что нормы подобного присвоения регионально различаются. Сравним в этой проекции, как правило, скрытой от чужих глаз, ненаблюдаемой, но в локальном сообществе молчаливо установленной и обладающей такой властью, которой самонадеянно перечить опасно, такие важные аграрные регионы как Поволжье и Кубань. Каковы формы и нормы присвоения здесь и там?

Первая переменная – объем ресурсной базы, которая становится объектом присваивающих акций. В поволжском Правобережье, зоне засушливого земледелия, урожаи зерновых в размере 20-25 центнеров с гектара считаются вполне достойными, чуть ли не рекордными. Колхозные власти в этих ситуациях не слишком рьяно заботятся об охране урожая и позволяют работникам сельхозпредприятий понемногу подворовывать – зерно, кукурузу, подсолнечник, бахчевые. Но объем уносимого с поля совпадает с физическими возможностями работника (он берет столько, сколько может унести на себе – мешок, вязанку, большую сумку). И лишь при отличном урожае механизатору дозволяется заехать на поле на мотоцикле с коляской. То же происходит в случае с животноводческой фермой – унести можно неполный мешок комбикорма и один баллон молока, но не больше. Нарушения такого порядка единичны и санкционируются они не столько разного рода начальством (бригадирами, учетчиками, агрономами, заведующими фермами), сколько самими работниками. И здесь появляется вторая переменная, имеющая характер ограничения, опирающегося на определенную, интерсубъективно принятую норму присвоения «общего» добра: воровать непомерно, опережая в темпах и размерах своих односельчан, просто не принято. Типичная форма осуждающей критики выглядит так – тебя

по всей деревне, что называется, ославят и при случае грубо оборвут любые твои оправдания.

Ситуация, наблюдаемая на юге России, в частности, на Кубани, в своей принципиальной основе сходная с поволжской – социальные технологии в крестьянских сообществах достаточно экстерриториальны. Однако по причине сравнительного кубанского изобилия (хорошим урожаем считается здесь не менее 65-70 центнеров с гектара) объемы присваиваемого здесь несравнимо более масштабны. Пешее воровство – чрезвычайная редкость, типичная технология десантирования в закрома крупного хозяйства (на зерновые и кормовые склады, поля, бахчи, огороды, сады, фермы) – тяжелый мотоцикл с коляской и с небольшим, часто самодельным, прицепом или низенькой колесной волокушей (для незаметности). Поэтому продукция увозится (не уносится!) на Кубани уже не пудами, а центнерами. Автомобиль используется лишь в крайних случаях и без прицепа – только багажник (особенно для кукурузы и бахчевых). Воровство «не по чину», без соблюдения общепринятых станичных норм уже не столько осуждается, сколько карается: особенно жадному хозяину могут подпалить забор или сарай, отравить птицу, собак; если он торгует своей живностью или рассадой на субботнем станичном рынке, покупателей он не дожидается.

Вот несколько свежих примеров. Первый – высказывания руководителя крупной животноводческой фермы: предприятие оснащено новейшим оборудованием швейцарской фирмы «Альфа Лаваль», благодаря чему молоко прямо из вымени поступает в громадный стерильный танк, быстро охлаждаясь до семи градусов. Так производится высококачественное молоко, реализуемое буквально по ничтожным ценам на перерабатывающие предприятия района и черноморского побережья. Местные жители, которые сдали свои земельные пай в аренду этому ООО, работающие на нем сегодня, а также пенсионеры, обратились к руководителю с просьбой о целевой продаже этого молока, что называется, «своим людям»: *«Смотрите, что получается... Люди просят своего, своей чистой продукции. Вот, ко мне на бригаду приезжала делегация пенсионеров и говорят: “Михаил Иванович, пожалуйста, организуй продавать свое молоко на станице! Нам продавай. У вас хорошее молоко, будем брать и радоваться...”. Но там столько всего! Столько согласований и бумаг! Сколько ограничений! Всякие эти россельхознадзоры, санитарные службы и еще целая уйма чиновников... Я на это все посмотрел и сам себе думаю: “А во имя чего я буду убиваться? Оно тебе надо – эти лишние проблемы и лишние хлопоты?”. Такая же ситуация и по мясу... И еще одно. Все эти нынешние торговые сети камнем лягут на твоём пути, чтобы ты не продавал свою продукцию непосредственно своим людям. Так как когда-то ее продавали в Советском Союзе, – через свой ларек»* (записано в апреле 2017 года). Эти высказывания очень близко подходят к сути: получается,

что принудительное выдавливание из повседневной жизни некогда нормальных, надежных, дающих возможность опоры практик продовольственного самообеспечения односельчан выворачивает эти животворные действия наизнанку, и они мгновенно предстают в свете неформальности, нежеланности, неприемлемости, поскольку встают поперек узких, специализированных ведомственных интересов. Обосновывать пользу такого самоснабжения соображениями рациональности – экологическими благами, ликвидацией дистанций перевозки, наконец, соображениями местного патриотизма – бесполезно и хлопотно.

Вот другой пример столкновения формального и неформального – механизмы стимулирования небольших сельских производств, пресловутые «сельские гранты», то есть финансовые средства, выделяемые государством для поддержки мелких сельхозпроизводителей. Рассказывает Юрий Ф., умелый охотник и рыбак, который умудрился самостоятельно разводить на Сладком лимане белорыбицу и торговать живым рыбным товаром – это его умение и искусство местное сельхозуправление взяло на заметку и принялось действовать: *«Ко мне начальство районное несколько раз приезжало – давайте, берите грант на три миллиона, вкладывайте своих денег триста тысяч, занимайтесь рыбой!.. Ну, правильно, – им галочку нужно поставить, что они малый бизнес на селе развивают. Но дальше-то они меня передадут по официальной цепочке, а банкиры меня возьмут и враз задушат. А в лучшем случае я буду постоянно ходить и кланяться эту самую господдержку. И чтобы ее получить, мне надо собирать такую кучу бумаг, что ее придется в район на грузовике возить! Вот эта тяжкая бюрократия. И у меня такой собственный девиз образовался: “Ребята, пожалуйста, не надо нам помогать. Вы нам просто не мешайте”»* (записано в апреле 2017 года). О каких «помехах» ведет речь этот полный сил и опытный в производственных делах человек? Разумеется, о бюрократических, формальных установлениях, обусловленностях и мелочной отчетно-финансовой дисциплине, которые немедленно десантируются на крестьянский семейный двор откуда-то сверху. Разводить рыбу данному хозяину, после его отказа входить в программу господдержки, запретили из-за соображений экологии, но до сих пор в станице помнят о том, что качественную рыбу (красный карась, стерлядь, сом) можно было заказать и купить прямо из выгороженного в лимане просторного садка. И здесь неформальное, опирающееся на местную традицию индивидуальное искусство целевого природопользования, довольно драматично столкнулось с непробиваемостью и негибкостью государственной организационной машины.

Таким образом, формы экономической деятельности в рамках семейного хозяйства укоренены, растворены в широком контексте неформальных человеческих взаимодействий и

редко когда ориентированы просто на прибыль или на достижение жестко поставленных целей. В этом смысле такие формы не очень рациональны и не всегда заранее просчитаны. Но они всегда – попытка самоудержаться, автономно воспроизвестись, приспособиться, «укрепиться и жить», как прекрасно выразился понимавший строй народного существования Василий Шукшин. Обостряя подобного рода аргументацию и ссылаясь при этом на авторитет отечественных и зарубежных специалистов, изучающих эксплоярные формы, можно утверждать, что крестьянское семейное хозяйство принадлежит к так называемым «формам хозяйства вне систем». Быть «на краю», «на обочине» главного экономического механизма того или иного общества – его (семейного хозяйства) особенность и его судьба. Такого рода хозяйственные формы – окольные, можно сказать, что они, как правило, расположены на периферии главной экономической волны, существуют в отдалении от магистрали и фарватера. Исходя из теорий экспоненциального роста и прогресса, можно полагать, что они воплощают и поддерживают нечто социально-экономически и технологически пережиточное, несущественное, второстепенное – как некие временные (если смотреть на них «свысока») подпорки и заплатки. И далеко не случайно крестьянские семейные экономики на протяжении весьма длительного времени обозначались в отечественных общественных науках стыдливым (и в то же время весьма точным) термином «личное подсобное хозяйство»: с точки зрения прогрессистской идеологии последнее действительно способно было лишь «подсоблять», подпирать круг центральных социально-экономических акций.

Неформальная экономика – это нечто иное, чем система рационально организованных и анонимно действующих инструментов производства и получения прямой полезности. Неформальная экономика должна быть непосредственно замкнута на субъекта, можно даже сказать, что специфика неформальной экономики заключается в ее родовой субъектности и субъективности. Второй вывод тесно связан с первым: неформальная экономика обусловлена данным социальным контекстом и действует не сплошь, а лишь внутри некой обозреваемой и имеющей границы социальной среды. Все сказанное очень важно для понимания крестьянской неформальной экономики как логики выживания, но «выживания» не только в смысле существования на предельно элементарном уровне, где человек борется за себя и близких как за элементы живой природы, но и в смысле «проживания жизни», логики ее каждодневного возобновления, простейших правил ее «дления» и «избытия». Иначе говоря, важно понять, «какие типы человеческой природы раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данных условиях» [43, с. 15].

2 Методология социологического исследования сельской неформальной экономики

Крестьянская повседневность часто обманчиво элементарна и постижение ее требует внимательного всматривания, обостренного понимания того, что мы всякий раз имеем дело с жизненной рутинной, базовые измерения которой уходят буквально в тысячелетнюю глубину. Необходимость постоянного уточнения исходной позиции исследователя «низовой» экономической жизни становится очевидной, когда он пытается вскрыть корневые свойства хозяйственно-экономического поведения сельского домохозяйства, изначально включенного в первичные циклы крестьянского природопользования. Ведь здесь мы можем наблюдать прежде всего «исконные», «дедовские», «сродушные» (так обычно сельчане отвечают на вопрос о характере и приемах их хозяйственно-экономических и социальных «технологий») правила – пространство устоявшихся привычек, традиций, локальных стереотипов и обыкновений.

Причем последние не провозглашаются, не диктуются и не обсуждаются, а работают каждодневно, исподволь и, так сказать, «гравитационно», что нельзя не учитывать при анализе разнообразной эмпирической информации, касающейся реальных хозяйственных практик. Почему именно эта сторона дела существенна? Прежде всего, потому что сама природа такой, в сущности, круглосуточной экономики (при всей ее традиционности, устойчивости и укорененности) весьма податлива и в определенном смысле даже эфемерна. Она готова в любую минуту трансформироваться и даже исчезнуть, не оставив явных и отчетливых материальных следов, но сохранив в опыте и памяти свои основополагающие параметры. Этот феномен весьма существен, поскольку он свидетельствует не только о хрупкости и ситуативной непрочности семейной экономики, но и указывает на ее удивительную способность чуть ли не мгновенного восстановления, разворачивания и порождения весьма оригинальных форм. Вот два примера из двух различных сфер жизни.

Пример первый: производство традиционных крестьянских инструментов для кошения кормовых трав (косы, серпы) сегодня практически полностью остановлено, и предлагаемые сегодня варианты, пытающиеся воспроизвести отшлифованные веками формы и качества, неудобны – тяжеловаты, неподручны, в общем, «казенны». Существует мелкосерийное изготовление модернизированных изделий, но по цене они просто неподъемны. В сохранившихся деревенских кузницах умелые старики еще поправляют старинные сработавшиеся лезвия, но косы в их традиционных технологических типоразмерах и назначениях из обихода постепенно уходят, а на их место массированно пришли мотокосы или триммеры. В крестьянских домохозяйствах эта новинка не принималась до тех пор, пока

люди не ухитрились самостоятельно переделать систему вращающихся лезвий так, чтобы они не измельчали траву в зеленую кашу, а могли производить привычную и единственно годную для домашнего скота длинностеблевую фракцию. Дальновидные инженеры тотчас ухватились за это стихийное изобретение и на рынке начали появляться новые старые косы на бензиновой или электрической тяге. Так состоялось возвращение и развертывание одной из важных функций семейной крестьянской экономики, предполагающей наличие во дворе сезонно возобновляемой и предназначенной для зимнего продовольствия живности.

Пример второй: в качестве несколько курьезного, но весьма выразительного примера пластичности и изобретательности акций, позволяющих семейным домохозяйствам ситуативно подключаться к ресурсному потенциалу крупхозов, можно привести эпизод наших наблюдений над хозяйственными практиками в одной из станиц Северной Кубани. Местные, весьма значительные по масштабам, животноводческие комплексы в достаточно больших количествах закупали поваренную соль для добавления в рацион крупного рогатого скота. Поскольку данная станица окружена водой в виде нескольких азовских лиманов, ее жители чуть ли не поголовно и систематически промышляют рыбной ловлей. Рыба в немалых объемах перерабатывается в домашних хозяйства в форме засолки, для чего требуется немалое количество поваренной соли. Разумеется, солевые запасы крупного хозяйства сезонно подвергались систематическому опустошению. Не в силах противостоять этим незаконным акциям с помощью усиления охраны складов, руководство приняло решение смешивать соль с меловым порошком. Однако крестьяне приспособились растворять эту новую субстанцию в воде, быстро сливая затем меловую фракцию прочь и получая соль в виде плотного осадка, годного для соления рыбы.

Эффективность такого шага не остановила превентивной изобретательности руководства: оно принялось смешивать соль с сухим жомом, остающимся от переработки сахарной свеклы. Крестьяне ответили на эту охранительную акцию новой присваивающей технологией – заливали эту смесь водой, в результате чего сухой жом всплывал и его тотчас снимали специально изготовленной для этого случая громадной шумовкой. Эта изобретательная процедура настолько озадачила начальство, что оно, отчаявшись противостоять подобным неформально-экономическим акциям (ведь их содержание, в сущности, вовсе не исчерпывается голой материальной пользой – в них изначально вмонтировано некое удалое ухарство и театральная, демонстративная насмешка над властями) позволило всем желающим брать со складов соль хотя и в нормированных, но, в сущности, бесплатных формах.

Следует подчеркнуть важное аналитическое обстоятельство: в самых авторитетных классификациях экономических форм семейные сельские домохозяйства помещаются в

разряд неформальной экономики. Так, В.В. Радаев развернуто объясняет, аналитически рассматривая специфику домашней экономики, что «характерная черта домашнего хозяйства заключается в том, что в нем мы вплотную сталкиваемся с неформальной экономикой. Неформальные отношения существуют, конечно, и в государственном, и в рыночном хозяйственных секторах. Но в данной сфере они обретают особую силу. Зоны домашнего хозяйства, семейной экономики и неформальной экономики во многом наслаиваются друг на друга. Во-первых, домашнее хозяйство является зоной неформальной занятости. Во-вторых, домашнее хозяйство выступает зоной неформальных трудовых отношений, господства патерналистских и фратерналистских стратегий. Наконец, в-третьих, домашнее хозяйство обрастает плотными сплетениями неформального обмена — родственного, соседского, дружеского, этнического. По ним передается информация, оказывается взаимная помощь, в корне отличающаяся от социальной поддержки государства или фирмы» [20, с. 218].

Развивая этот продуктивный подход, С.Ю. Барсукова указывает, что «вне формальных институтов рынка оказывается хозяйственно- приватная жизнь. Но она не однородна с точки зрения того, какова структурная единица, организующая жизнь “вне закона”. Часть продуктов и услуг, производимых силами домохозяйства, потребляется внутри семьи, а часть распределяется по каналам социальных сетей. Различие не сводится к дихотомии “внутри–вне”. Хозяйственная практика семьи регулируется иными социальными нормами, чем ее коммуникативное пространство. И хотя и в том, и в другом случае эта практика не предполагает получение дохода, но ограниченная рамками домохозяйства, она не нуждается в трансакциях, тогда как сетевая структура делает обмены на нерыночной основе сутью хозяйственной коммуникации сообщества. Эти две области неформальной хозяйственной практики формируют соответственно домашнюю экономику и экономику дара, в основе которой лежат нормы реципрокности. Техническое различие в виде отсутствия или наличия трансакций формирует различие сущностное — потенциал изоляции или интеграции домохозяйства формируется на основе данной хозяйственной практики. Домашняя экономика позволяет достичь некоторой степени хозяйственной автономии от социальной среды, тогда как экономика дара подчеркивает зависимость от социального окружения. И домашняя экономика, и отношения реципрокности изначально предполагают в качестве основы неформальные институты как общего (нормы), так и индивидуального (договоренности) типа. Внеконтрактность этих сфер является нормой общества, а не результатом стремления его участников повысить доходность деятельности. Институциональная среда домашней экономики и межсемейных обменов служит не функциональной альтернативой формальных экономических институтов (как в теневой

экономике), а восходит к социальным отношениям, укорененным в механизмах социализации и интернализации социальных норм» [21, с. 37].

Таким образом, обоснованные научные взгляды на неформальную экономику всякий раз сосредоточиваются на противопоставлении последней экономике формальной, подчиняющейся системе особых правовых норм и правил, и изначально проводится довольно отчетливая граница между одним и другим. Очевиднее всего эта граница наблюдается в лексике информантов: отрицательная частица «не» – вот простейший и явный сигнал, эмблема такой границы.

Наиболее полную картину возможностей социологического изучения неформальной экономики, с акцентом на методическом обеспечении подобного анализа, представила С.Ю. Барсукова в своей книге «Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого» [44]: аккуратно и искусно выстроенная композиция написанных за минувшие шестнадцать лет (1998-2014) эссе, рецензий, отзывов и заметок – вот что, в сущности, образует основной корпус этой книги, представляющей собой набор компактных, энергичных и всегда эмоционально заряженных текстов. Их автор неизменно предстает перед читательским взором как активный и оживленный, постоянно бодрствующий, непосредственный свидетель, который присутствует в качестве внимательного и заинтересованного наблюдателя в гуще социально-экономических событий особого класса. Событий, из которых сложился громадный – феноменологический, организационный, идеологический и социально-культурный – корпус разнообразных (явных и тайных, демонстративных и имитационных, отважных до нахальства и робких до виноватой потупленности взоров) практик, которые безостановочно и изобретательно вращают если и не самое главное, то уж наверняка резервное, подсобно-вспомогательное хозяйственное колесо современной России. Практик, обобщающее имя которых – «неформальные экономики». Этот, на первый взгляд, потаенный, затерянный мир властно затягивает наблюдателя в свои полуосвященные просторы и это обстоятельство дает право автору несколько взвинченно и самоотверженно заявить: «С упорством, едва ли достойным лучшего применения, вижу мир хозяйствования через прорезь формального-неформального» [44, с. 124]. И этот алчущий взор, эта втягивающая аналитико-свидетельская энергетика не может не породить особую стилистику работы – дискурс включенных свидетельств.

По необходимости и ситуативно перенастраиваемая, исследовательская оптика позволяет автору видеть и довольно крупные конstellляции неформальных экономических действий, и не пропускать разнообразную неформально-экономическую мелочишку, бережно, осторожно и тщательно разгребая ее «пестрый сор». Предметная и проблемная размеченность этого мира выражена в продуманно выстроенной композиции пяти книжных

глав (частей), в которых найдены и систематизированы некие базовые измерения неформальной экономики. Здесь можно рассмотреть и понять и причины ее развития в глобальной мировой проекции (часть первая), и ощутить специфику ее отечественного бытования (часть вторая), и увидеть координаты ее дислоцированности в поле, где внимательно, по-авгурски переглядываются бизнес и власть (часть третья), и проследить ее криминальные изводы (часть четвертая), и точно почувствовать, буквально нащупать рубцы и швы, указывающие на ее органическую вмонтированность, «вживленность» в бесконечно возобновляющиеся, повседневные трудовые шевеления субъектов (часть пятая). Уже эта общая прихотливая панорама феноменов неформальной экономики, сконструированная автором, впечатляет, а читательское путешествие в ее обширных пределах обещает быть интересным и поучительным странствованием.

Яркий пример подобных практических движений представлен в книге «Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» под редакцией Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой и А.Г. Махровой, рассматривающей историю и современность пространственного передвижения двух мощных сельско-городских социальных потоков – отходников и дачников – в контексте историко-культурной пластичности трансформаций российского сельско-городского континуума [45]. Книга состоит из трех основных частей. Первая часть – «Урбанизация, мобильность и сельско-городской континуум» – посвящена в значительной степени историческим и теоретическим аспектам пространственной сельско-городской мобильности в России и за рубежом. Вторая часть – «В город за работой» – самая обширная, в ней всесторонне представлены исследования отходничества в истории и современности России. Здесь анализируются современные социально-экономические предпосылки трудовой мобильности российского населения, оценивается значение транспорта как предпосылки и индикатора возвратной мобильности населения, рассматриваются методы изучения трудовых российских миграций на региональном, муниципальном и локальном уровнях, определяются векторы современных трудовых миграций, подробно анализируются данные о трудовой мобильности населения России по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года. В региональном разрезе трудовая мобильность на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке рассматривается, прежде всего, как адаптация к кризису городских рынков труда. На примере Московской области маятниковые трудовые миграции представлены как характерный образ жизни в агломерациях. Особенности поиска работы в сельской местности рассматриваются на разнообразных примерах Черноземья и Нечерноземья, а Ставропольский край выбран для анализа случаев трудовых миграций с юга в Москву.

Третья часть книги – «Из города за воздухом» – представляет собой всестороннее обобщение исследовательских результатов только еще складывающейся в России своеобразной научной дисциплины – дачеведения. Здесь представлена подробная историческая эволюция и детальная типология дач в России, разбираются методы изучения дач и возможные способы их применения в эмпирических исследованиях, в региональном отношении на примерах пригородов Москвы и Санкт-Петербурга анализируется трансформация пристоличных субурбий от дачных товариществ к коттеджным поселкам, тогда как за пределами столичных областей специально исследованию подвергнуты бесстатусные поселки дачников. Парадоксальные случаи экспансии пригородов на Юге и Востоке России изучаются с точки зрения как урбанизации, так и дезурбанизации. Собственно в российской глубинке специально изучаются этапы ее дачной «колонизации», и в особые аналитические группы выделяются так называемые «дальние дачи» как временное убежище от цивилизации, а также дачи на курортах.

Главным достоинством данной книги является удачно сбалансированный исследовательский подход авторов, органично сочетающих в своей работе теорию и первопроходческую эмпирику с применением обширной батареи исследовательских методов различных социальных наук. Не случайно в этом обширном эмпирическом исследовании, в каждом из его разделов, имеются соответствующие главы, посвященные теории и методам изучения ключевых понятий книги – «сельско-городской континуум», «трудовые миграции», «дачное времяпровождение» – с соответствующими определениями. Удачно и всеобъемлюще такое многозначное понятие как «сельско-городской континуум» (СГК) определяется как «подход к сложным формам расселения, где грани порой так размыты, что у любого места есть признаки антипода... свои идейные спутники: эволюционные, центропериферийные. Но это не стадия и не таксон расселения, а скорее синоним явления в целом, понимаемого как непрерывное поле, но в каких-то рамках и масштабах, с разной долей города и села. Сельско-городской континуум не устраняет их роли в жизни людей, разделении труда и служит не столько идеальным конструктом, сколько формой представления реальности, не отменяя спроса на ее модели и схемы» [45, с. 41]. Подобного рода гибкое и обширное определение позволяет включить в свой состав и рассмотреть типологии сельско-городского континуума различных зарубежных и российских авторов, из которых особенно интересными являются приводимые в книге типологии муниципальных районов России по степени их глубинности (по сути, ранжирование российской глубинки), пригородно-периферийное зонирование регионов России, а также типология сельско-городских континуумов в регионах России.

Развернутое определение и осмысление понятия сельско-городского континуума позволяет авторам обратиться в нем и через него к главной задаче исследования всей книги – анализу в поле сельско-городского континуума многообразных пространственно-временных пульсаций возвратной мобильности. Авторы подчеркивают, что к настоящему времени заселенные территории России представляют собой отдельные архипелаги центральных агломераций в океане периферий, где отрыв центров от периферий не прекращается, дифференцируясь по привлекательности жизни в различных городах и селах. Что как раз очень хорошо отражают центростремительный и центробежный потоки передвижения возвратно-мобильного населения: в центростремительный поток вливаются мигранты, движущиеся на временную работу различной длительности из сельской местности, малых и средних городов в города крупные; в центробежный поток из больших городов вливаются горожане – дачники с их сезонными и недельными ритмами отдыха. Центростремительные потоки свидетельствуют о перманентном сжатии освоенного пространства Российской Федерации. Концентрация рабочих мест с высокой оплатой в больших городах, с одной стороны, способствует некоторому росту экономики в административных центрах страны, но миграция наиболее трудоспособного населения из периферий углубляет депрессию этих глубинных территорий. Дачники, тем временем, в освоении сельской местности выбираясь даже далеко за границы пригородных зон, тем не менее, действуют в целом весьма избирательно, предпочитая скапливаться в живописных и транспортно доступных местах.

В книге авторы неоднократно сетуют, что нехватка статистических данных не дает им возможности создать достаточно полную количественную и качественную картину потоков отходников и дачников. Но расширяя спектры применяемых методов и пространства обследуемых территорий, авторам, по крайней мере, удалось реконструировать значение и географическую специфику коренной возвратной мобильности России, которая в народе уже давно получила название «междудомье» и которая в книге характеризуется следующим образом: «“Междудомье” для миллионов россиян стало нормой, вошло в плоть и кровь, обросло своеобразной философией. Оно часто непонятно зарубежному наблюдателю, считающему такую жизнь то ли болезненным вывихом, то ли странным излишеством» [45, с. 438]. Авторы же настаивают, что для пребывания в состоянии «междудомья» у российских граждан имеются веские причины – географические, культурно-исторические, экономические и институциональные. Например, по мнению авторов, современное отходничество остается одним из эффективных средств борьбы жителей российских периферий с безработицей и безденежьем, депрессией и алкоголизмом. Отходничество, конечно, является важным показателем неформального рынка труда, когда спонтанная трудовая мобильность населения в кризисных условиях способствует социальной адаптации

к непростым переменам. При этом отход есть часто и просто паллиативное решение в условиях невозможности окончательного переезда в город, подмена нехватки достойной работы по месту постоянного проживания.

В книге достаточно внимания уделено проблеме взаимоотношений отходников и дачников с государством. По мнению авторов, государственные и местные власти в основном индифферентно, а порой и неприязненно относятся к отходнико-дачным миграциям, хотя постоянное сокращение населения в сельской глубинке должно было бы подтолкнуть региональные и местные власти к осознанию важности значения сезонного и всякого другого некоренного населения в жизни сельских территорий. Авторы утверждают: «Именно растущая потребность горожан в даче, а не восстановление огромных площадей распахки в тайге и прочие грандиозные проекты для обезлюдивших мест, могут сохранить деревни и с ними – относительную освоенность в лесной зоне. России. Это должно стать сигналом для федеральных и региональных органов, создающих концепции развития сельской местности, в которых, как правило, нет места городским дачникам как движущей силе деревни... Приходится констатировать, что современным властям чужды и неудобны как факты, так и идеи пространственной мобильности населения, равно как и сложных, гибридных, пульсирующих форм расселения. Чиновник привык иметь дело с дискретными территориями и четкими рубежами, которые определяют его полномочия. Многомиллионные потоки пассажиров и колебания людности не могут игнорировать только те, кто отвечает за транспорт, энерго- и водоснабжение. Прочие управленцы видят в мобильности горожан и сельских жителей одни неудобства» [45, с. 442]. Однако со стороны общества, наблюдается исторически закоренелая слабость коммунального начала, а также межмуниципальной, межселенной координации общественных действий. Этим также часто пользуются власти, не ожидая особо сильного сопротивления на местах, полагая, что самый простой способ оптимизации проблем сельской глубинки заключается лишь в принятии и исполнении дальнейших решений по слиянию, укрупнению, расширению местных территориальных единиц.

Безусловно, лежащие в основе представленных выше работ, эмпирические данные – развернутые нарративы информантов, полученные в ходе интервьюирования, весьма субъективны, особенно если речь идет о респондентах в сельской глубинке. Как правило, крестьянские рассказы далеко не всегда складны и понятны: их логика порой загадочна именно в силу своей элементарности, а часто бывает так, что давно пройденные и вызубренные опыты человеческого труда и таланта начинают звучать в устах крестьян свежо и выразительно, что мы обнаружили еще в начале собственных полевых исследований на заре становления качественного подхода в отечественной социально-экономической научной традиции:

Представляется, что родовым признаком неформальной экономики является этот непрерывный процесс «сканирования» социального и природного мира, в который вмонтирован субъект, с целью налаживания некоего «вторичного контура» производства. В рамках последнего происходит сознательная, но непреднамеренная и заранее не просчитанная утилизация «отходов», «вторичного сырья», различных «остатков» и «отбросов». Акты неформальной крестьянской экономики в их конкретной форме необязательны, потому что они не предзаданны и как бы невзначай обретенны, но они одновременно совершенно необходимы. Одна из наших кубанских респонденток, живущая на оконечности лимана, заметила, как дикие утки свили в зарослях, в глубине ее левады, несколько гнезд и догадалась подкладывать в них яйца домашних уток. Хозяйке оставалось лишь внимательно следить за развитием событий и выводок получился превосходный, нужно было его лишь отбить от дикого стада и запереть. Так был совершен непреднамеренный, но уместный и полезный неформально-экономический акт.

Неформальные экономические акции прочно вплетены и в социальный контекст определенной локальной общности, что особенно заметно в условиях так называемого аграрного реформирования, когда российская деревня была пущена по траектории самовыживания. Нынешняя экономическая практика субъектов социально-территориальных общностей характеризуется тем, что год от года (начиная с 1991 года) нарастает мощь и разнообразие горизонтальных ресурсных потоков. Отношения между членами сельского сообщества, отношения между семейными дворами насыщаются, наряду с экономическими моментами, требующими расчета и эквивалентности, такими качествами, которые в состоянии гарантировать выживание того или иного двора при любых драматических поворотах жизни. Паутина связей тонка и для постороннего глаза не всегда заметна, но достаточно прочна, чтобы не прорваться даже в самых слабых участках. Сельское сообщество сегодня мультицентрично и во многом замкнуто на себя, поэтому можно говорить, что «центром» для крестьянского семейного хозяйства становится не рынок и не государство. Таким образом, налицо ситуация, которую можно обозначить как доминирование неформальной (эксполярной) экономики.

3 Результаты эмпирического исследования

Небольшие крестьянско-фермерские хозяйства (размером до 2 тысяч га), которые еще сохранились в российских регионах со сложными природно-климатическими условиями, несмотря на декларирование сегодня для них всевозможных льгот и субсидий, фактически оказываются включенными в современную экономическую систему наряду с более крупными подобными предприятиями на общих основаниях. В результате они вынуждены показывать нулевую или отрицательную прибыль, выплачивать своим работникам условную заработную плату или выдавать ее натурой и напрямую договариваться с поставщиками и покупателями, минимизируя тем самым свои издержки на всех этапах производственного цикла. Таким образом, местные бюджеты сокращаются, инфраструктура ветшает, а население, чтобы выжить и получить хоть какие-то деньги переходит на товарные формы своего подсобного хозяйства. Сокращение денежной базы последних, особенно в депрессивных районах, приводит к общей маргинализации сельской местности и выпадения ее из основных социально-экономических процессов регионального развития.

Ниже приводятся ряд высказываний респондентов, иллюстрирующих такого рода процессы, развертывающиеся в Кулундинской степи Алтайского края – одном из сложнейших с точки зрения генерирования стратегий неформальной экономики российских сельскохозяйственных регионов. *«У нас бюджет дефицитный на 80%. А почему дефицитный А где налогоплательщики?! Вот, что они могут заплатить?! Если мы что-то покажем, мы без штанов! Мы работали честно, но я остался без штанов. Вот, они тут есть, маленькие фермеры, но они же все продают за наличные деньги, мимо кассы. Зарплату показывают – 2-3 тысячи... С нее в пенсионный – уже ничего, в медицину – ничего, и никуда ничего не пошло Вот, элеватор честно почти все показывал и, где он сегодня есть?.. Его нет! Лесхоз показывал все честно, и его нет. А ведь эти вот 3-4 больших предприятия и содержали район, на них ложилось основное бюджетное бремя, на их базу...»* (Алтайский край, Табунский район, глава фермерского хозяйства).

Причем из-за снижения спроса и падения цен страдают и относительно крупные агропредприятия, в том числе связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Так, в настоящее время большинство такого рода предприятий, расположенных в зоне Кулундинской степи находятся в предбанкротном или банкротном состояниях. Чтобы как-то сохранить производство они «уходят в черные схемы», показывают убытки и не платят налоги: *«Почему сегодня село не может отдать деньги? Сама система экономическая вокруг нас, которая сегодня у нас сформировалась – и ценовая политика, и налоговая политика, и все остальное, – она нам не дает развиваться. Если я рубль заработал, показал*

зарплату, что я получил столько, то я должен 54% еще отстегнуть дядьке. 26% – пенсионные, 8% –туда, 7% –туда, 13% – туда. А что мне остается при себестоимости нашей и при нашей рентабельности в 10%-15 %? А ничего! И потому крестьяне сегодня не могут найти деньги, и потому районы сегодня не могут найти деньги... И потому опять сейчас пошли эти черные схемы, никто не хочет платить эти налоги, потому что никак не получается честно работать... А, я только вот вижу, когда приезжает начальство: тут все хорошо, все у нас хорошо! А никто правды не хочет знать. Почему так? Неужели им самим не интересно?» (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Однако исследование, проведенное в ряде сельскохозяйственных регионов, показало, что наряду с общей их маргинализацией все больше активизируются процессы социальной сплоченности и поддержки как со стороны отдельных людей, так и разных групп населения. Вместе с тем такого рода социальные процессы не просто являются следствием неформальной экономики, но и органично встроены в ее архитектуру. В свою очередь, катализатором и, в определенном отношении, генератором неформального социально-экономического потенциала сельских территорий выступают, как ни странно, формальные государственно-бюрократические, финансово-экономические, рыночные и даже глобализационные структуры, стремящиеся к абсолютизации своей функциональной активности. Одним из ярких примеров активизации продуктивных неформальных процессов может служить небольшое фермерское хозяйство, расположенное в самом центре Кулундинской степи Алтайского края, где по словам его главы «уже четыре года летом нет ни одного дождя». Это хозяйство расположено рядом с поселением, в котором по данным текущего учета проживало 39 человек, а из всей инфраструктуры, по словам главы фермерского хозяйства, работает только магазин и баня. По его оценке, на сегодня численность населения этого поселения составляет чуть больше 60-и человек.

Жизнь в этом, забытом всеми чиновниками, поселении, до которого даже нет дороги с твердым покрытием, продолжается благодаря фермерскому хозяйству и его главе. Жизнедеятельность оставшихся в этом поселении домохозяйств направлена в основном на преодоление каких-то формальных правил и процедур, в которые ни они, ни их поселение почему-то не вписывается. Так, например, электронная система записи на прием в районную поликлинику, находящуюся в 35 км, не удобна для большинства жителей, поскольку надо записываться заранее, а регулярного сообщения с районным центром нет. Поэтому большинство жителей обращаются за помощью к главе фермерского хозяйства, и он везет их в другой районный центр за 60 км, в частную здравницу, где нет электронных очередей и примут всегда. Для жителей эти поездки бесплатны, они оплачивают только прием у врача: *«Если у кого что заболело, а своей машины нет, то я везу: завожу свой УАЗик, который*

стоит у меня в теплом гараже, и везу. В райцентре в поликлинике тоже проблема – новшество кругом: по электронке надо занимать очередь. И для того чтобы это миновать, мы едем в Славгород за 60 км в частную клинику, в здравницу, вот и все. Каждый человек думает, что все мы привыкли к этому новшеству, вот к этой электронике. Но оно никому не надо. Они все думают, что бабушка там, дедушка, или кто-то тридцати, сорока или пятидесяти лет будет на очередь вставать в поликлинику и через что-то жать на кнопочки. Никто этого не хочет, они говорят: “Вези лучше, сынок, туда, где мне попроще, как было раньше”. А от этого все уходит почему-то. Жизнь у нас и так тяжелая, а вот этими всеми... еще и усложняется. Вот и едем туда, где попроще. Там взял талончик и сиди, тебя вызовут. Очень удобно и очень хорошо. А в общей районной поликлинике – это проблема. А в Славгород за 60 км съездить для нас – это нормально, это для нас как три километра» (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Глава хозяйства считает, что у большинства небольших фермерских хозяйств Кулундинской зоны сегодня очень много проблем, но мы «тянемся, тянемся, бедные фермеры, и выискиваем вот это все...». Поэтому для того, чтобы выжить фермеры вынуждены значительную часть своих транзакций осуществлять в неформальной зоне. Классическим примером такого рода транзакции является натуральная оплата, которая может органично встраиваться в стандартные формальные финансово-экономические процедуры. Вот один из примеров такого встраивания: *«Я помогаю тем, кто у меня работает. Пожалуйста, обживайся, заводи хозяйство, я помогаю, даже и бесплатно. Корма они у меня на 100 % бесплатно получают, натуроплату, продукты бесплатно получают... Вот, птичница, если она примерно работает, то получает в среднем 12 тысяч в месяц за 21-22 рабочих дня. Еще она получает тонн пять фуража бесплатно, соломы – неопределенное количество, муку и масло получает, гусят получает 30 голов. И все это бесплатно. Гусят она выращивает, и у нее вторая оплата получается. Поэтому она в течение года, получается, еще около 60 тысяч получает. В сельском хозяйстве зарплата у нас небольшая, ее не с чего просто-напросто брать. Поэтому мы не можем сравниваться с городскими зарплатами»* (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Следует отметить, что в научной литературе до сих пор доминирует точка зрения, что основными акторами сельской неформальной экономики являются люмпенизированные слои населения – неудачники, которые по тем или иным причинам не смогли переехать в благополучные города, поэтому им ничего не остается как жить на дотации и субсидии, которые им «подают» формальные экономические структуры, и, в лучшем случае, продолжать беднеть и маргинализироваться, а в худшем – воровать и спиваться. Однако, как

показало исследование, эта привычная точка зрения, мягко говоря, не соответствует действительности. Если раньше, в позднеколхозно-совхозную эпоху, сельские домохозяйства брали все, что плохо лежит в коллективных хозяйствах, и это считалось нормой, потому что «как бы никому и не принадлежало», и просто списывалось формальной экономикой как неизбежные издержки, то сегодня эти домохозяйства оказались в более сложной ситуации, когда жестко регламентированы все активы сельских экономических практик: *«Я считаю, что раньше у людей голова болела о том где бы уворовать, вырастить и съисть, а сегодня это уже отходит на второй или даже десятый план, потому что ну нету необходимости, я считаю, особой сегодня людям воровать. Хотя, кстати, в этом году к нам в склад залазили, но это залазили не те люди, которые работают, это те шалтай-балтай, которые числятся в этой конторе у безработных и рассказывают: какая жизнь сложная, как тяжело, как невозможно жить на это бедное пособие, поэтому он и лезет сегодня в склад и ворует. А те люди, которые работают, которые зарабатывают заработную плату, те не лезут, даже вопросов нет.»* (Краснодарский край, Каневской район, учредитель зерноводческого предприятия). *«Сейчас-то нет, из хозяйства (фермерского) никто не ворует. Раньше было, конечно, было... Все знают прекрасно об этом. Живность не прокормишь на центнер-два, которые совхоз давал»* (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Несмотря на возможности, предоставляемые главой фермерского хозяйства для развития личных подсобных хозяйств, многие жители поселения отказываются от них, и все необходимое для домохозяйств покупают в местном магазине, аренду которого также оплачивает фермер, чтобы «только он был...». И то, что товарооборот этого магазина в несколько раз превышает подобный показатель в соседних гораздо больших поселениях, также заслуга главы фермерского хозяйства, регулярно выплачивающего своим работникам немаленькую по местным меркам зарплату: *«У нас маленькая деревушка, а товарооборот в магазине больше 200 тысяч в месяц. А там, где людей 160, примерно, у них – 80 тысяч только товарооборот. Там магазины позакрывали, где людей по 160, а у нас 60 человек осталось, и остался магазин»* (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Трудности для сельских производителей могут создавать также и крупные формальные рыночные игроки, например, недобросовестные топливные компании, которые своими махинациями с топливом губят как не новую технику фермеров, так и автотранспорт домохозяйств, лишая последних, в отсутствие автобусного сообщения, вообще всякой связи с внешним миром: *«Просто-напросто кредиты мы не можем брать и не хотим... Зачем? Чтобы купить новую технику и по два центнера с гектара убирать? Это просто*

преступление... А купить за свои заработанные средства мы пока не можем, не хватает нам... Пока мы горючее купим, пока электроэнергию, пока все это докупим, деньги закончились...» (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).

Урожайность по два центнера с гектара в фермерском хозяйстве объясняется сознательным отказом от применения гербицидов при выращивании кормов. В данном случае это не формальная забота об экологии, а серьезный расчет, обеспечивающий гарантию от сбоя во всех формальных и неформальных производственных и сбытовых персонифицированных цепочках: *«Мы стараемся на полях не использовать гербициды, боимся их вносить, потому что у нас корма. Вот эти гербициды как бы не перекинулись на наше птицеводство. Все равно при внесении они где-то накапливаются, и в зерне могут отложиться, и в соломе может отложиться это все. Мы стараемся в хозяйстве в основном сохранить кормовую базу... Вот только перед посевом обрабатываем, чтобы пырей и овсюг убить, а по посевам я стараюсь не прыскать, потому что не знаю, как они действуют. Нигде не написано, отражается гербицид на кормовой базе или не отражается... А так можно это все угробить за один миг. Заболеет птица, потом не остановишь. И на потомстве может сказаться. Потом люди будут у нас молодняк брать, а у них он будетдохнуть, и тогда у нас уже клиентов не будет. Поэтому мы все вкладываем в птицу. Вкладываем для того, чтобы у нас были клиенты...» (Алтайский край, Ключевский район, глава фермерского хозяйства).*

Жесткая конкуренция на рынке производства сельскохозяйственной продукции, с одной стороны, способствует развитию формальной экономики сельских регионов, а, с другой, выталкивает производителей, неумеренно наращивающих производство, в неформальную зону, что пагубно влияет и на экологию регионов. В результате местные жители все чаще стали замечать изменение климата в своих регионах: *«Климат сейчас хуже стал. Еще в начале 70-х снега были, дожди, мы в нашем детстве купались после дождей. А сейчас нет дождей у нас. Мы даже не представляем, что такое дождь, и забываем даже про него. А сейчас у нас постоянно пыльные бури всякие. И так все лето – одни бури... Только посевная прошла, и пошли бури, бури, бури...» (Алтайский край, Ключевский район).*

Несмотря на положительную динамику последних нескольких лет с точки зрения количественных показателей по сектору хозяйств населения, фиксируемую на разных уровнях отчетности – от муниципального и до регионального, качественные оценки, полученные нами в эмпирических исследованиях, наоборот, демонстрировали резкое сокращение производительного потенциала рассматриваемого сектора. Во всех включенных в выборку регионах сельское население, особенно в докризисный период, не рассматривало свои хозяйства в качестве источника жизнеобеспечения – ни как основного, ни как

дополнительного. В таком регионе, как Краснодарский край, население практически полностью отказалось от так называемых «дополнительных» огородов, выделяемых за чертой поселения для выращивания картофеля и овощей, и в какой-то степени позволявших ему развивать товарные формы своего подсобного хозяйства. В это же время крупные хозяйства и агрохолдинги, например, в степных зонах Алтайского края, массово перешли на применение новых технологий, например, таких, как No-till, что привело к дефициту кормов, и, как следствие, значительному повышению их рыночной стоимости. При использовании технологии No-till толщина слоя оставленных на поле пожнивных остатков напрямую влияет на урожай следующего года, поэтому хозяйства, использующие эту технологию, не продают солому и стараются минимизировать ее выдачу в качестве натуроплаты за арендованные паи. В результате население стало массово отказываться от содержания и разведения крупного рогатого скота и птицы, для обеспечения нормальной зимовки которых необходима солома. К тому же в Белгородской области и Краснодарском крае, начиная с 2012 года, местные власти стали принимать решения по сокращению поголовья свиней в хозяйствах населения из-за опасности распространения африканской чумы свиней.

Отказ населения станицы от ведения личных подсобных хозяйств и огородов совпал с периодом повышения зарплат и пенсий: «В магазинах все есть. Зачем выращивать, когда можно купить. Но, если и вырастишь, то все равно моль съест». В последние годы картофельная моль стала настоящим бедствием для Краснодарского края, она поражает не только картофель, но и другие овощные культуры. Население винит во всем импортные семена и изменение экологической обстановки в связи с распашкой крупными сельхозпредприятиями практически всех земель края, даже пастбищ, под пшеницу и подсолнечник, где в огромных количествах, по их мнению, используются всевозможные гербициды и удобрения. При этом, по словам респондентов, производители нарушают все виды севооборотов, компенсируя потерю биологических свойств почв, неумеренным применением разного рода химикатов. Все это, по их мнению, изменяет не только экологию, но и климат, в результате выпадают какие-то вредные осадки и ударяют внеурочные морозы, от которых гибнут как фруктовые, так и дикорастущие деревья.

Однако выпадающие доходы домохозяйств в результате возникших в это время трудностей с ведением подсобного хозяйства были частично заменены денежной прибавкой к зарплатам и пенсиям, что позволило большинству сельских домохозяйств остаться в зоне формальной экономики. Рост денежной массы у сельского населения в это время в разы увеличил количество небольших частных, в основном продовольственных, магазинов в селах. Например, в одной из станиц Краснодарского края с населением около 7 тысяч человек количество таких магазинов увеличилось в три раза – с 8 до 24. По словам жителей,

они удобно расположены в разных частях станицы, а их хозяева стараются подобрать ассортимент в соответствии с запросами покупателей, причем цены в них ниже, чем в сетевых или давно работающих магазинах, расположенных в основном в центре.

Впрочем, ситуация резко изменилась, начиная с 2015 года, в результате девальвации рубля, падения доходов населения, увеличения тарифов на коммунальные услуги и налогов. К тому же «тучные» предкризисные годы приучили сельчан активно пользоваться кредитами, которые в кризисное время стали поглощать большую часть доходов домохозяйств, и жителям опять, как в «нулевых», приходится брать в частных магазинах продукты в долг. Причем у некоторых, по словам респондентов, эти долги выросли до 30 тысяч рублей. Владельцы частных магазинов также вынуждены идти на такую неформальную транзакцию, стараясь сохранить свой бизнес в условиях жесткой конкуренции с сетевыми магазинами. По словам хозяина двух магазинов в этой станице, сегодня у него долгов жителей «по 100 тысяч на каждом магазине, и неизвестно, когда деньги мне отдадут, некоторые годами не отдают и отдадут ли вообще... А ведь они у меня изъяты из оборота...». При этом в отсутствие необходимых ресурсов домохозяйства не могут уже восстановить свои производства в докризисных товарных объемах.

Таким образом, в кризисных условиях домохозяйства выступают своеобразным катализатором неформальной сельской экономики. Однако и формальная государственная экономика также может выступать в этой роли, стремясь для пополнения бюджета к максимальному регулированию и регистрации всех транзакций сельской экономики, но при этом она не учитывает возможности и готовности последней «играть» по новым и достаточно жестким правилам. Сейчас многие владельцы небольших сельских магазинов опасаются перехода на новые кассовые аппараты, которые, по их мнению, не будут нормально работать в большинстве сельских регионов, где до настоящего времени нет устойчивой интернет-связи, а некоторые местности не охвачены ей вообще: *«Основной-то достаток у меня идет от магазинов, мой доход. Я сейчас концы с концами еле свожу. Тем более сейчас, видать там еще не наигрались и предлагают нам в этот ЕГАИС (Единая государственная автоматизированная информационная система) поиграть, а одна игрушечка худо-бедно рублей 70 тысяч тянет, две – это уже полторы сотни, полторы сотни мне уже накладно... Плюс они там еще начали придумывать нововведения — то ключ придумают, то еще какие-нибудь введения ... И получается, что доходы все уходят на расходы. Все эти системы, контроль бизнес сковывают и причем недурственно сковывают. Вы прикиньте, это ж сколько денег у бизнеса вынули просто так только на эти вот нововведения! Представляете, просто так взяли из бизнеса забрали деньги... Хорошо, они сейчас сделают эти ЕГАИСы. Даже уже они кое-где их выставляют, но все это сырое, все*

это на китайских микросхемах... По плохой погоде интернет у нас не работает. А есть же хутора, там вообще ничего нет. Там один магазинчик стоит, но ты давай через интернет... Я просто боюсь, что у меня вытащат деньги, я отдам 150 тысяч за этот аппарат, и он будет у меня стоять, пыль собирать, и все. А они потом придумают чего-то еще... » (Краснодарский край, Каневской район).

Причем в таких традиционно свиноводческих регионах, как Белгородская область и Краснодарский край, где местные власти ввели ограничение или запрет на разведение свиней в домохозяйствах, население считает эту меру избыточной и лоббистской, исходящей от крупных свинокомплексов, и лишаящей их семейные бюджеты одного из основных источников поступления денежных доходов. Часть домохозяйств при этом уходит в неформальную зону и продолжает разведение свиней.

Отсутствие сегодня кормовой базы, относительно дешевых кредитов и возможностей для сбыта готовой продукции ограничивает товарную составляющую большинства домохозяйств в сельской местности, способствует усилению неформальных экономических отношений и маргинализации их жизнедеятельности, сужая таким образом перспективы развития этой формы хозяйствования.

Анализ полуформализованных экспертных интервью с представителями различных групп сельского населения выявил тесную взаимосвязь двух видов аграрной экономической деятельности — формальной и неформальной. В частности, он показал, что взаимная поддержка этих двух видов деятельности не только позволяет им эффективно функционировать в нестабильных условиях рыночной экономики, поддерживая таким образом свой экономический потенциал, но и брать на себя часть ответственности за социальное и хозяйственное развитие территорий своей деятельности.

Вместе с тем сельские домохозяйства через целый ряд институциональных связей непосредственно включены в сложные системы отношений между структурами формальной и неформальной экономик, интересы которых не всегда совпадают с потребностями местного социума. В первую очередь это, конечно, касается земельных отношений. Например, в южных регионах, где земля, в прямом смысле слова, «на вес золота», например, в Краснодарском крае, где цена земельного пая площадью 4,58 га на сегодняшний день достигает 600 тысяч рублей, разворачиваются настоящие земельные «баталии». При этом владельцы земельных паев, — как правило, люди пожилого возраста, — не всегда разбирающиеся в тонкостях земельного законодательства и юридической казуистике, легко становятся «жертвами» в такого рода «батальных играх», лишаясь своей земли. Причем, если у домохозяйства таких паев не один, а несколько, поскольку в колхозе в свое время работали все члены семьи (родители и взрослые дети), и каждый из них во время приватизации

получил свою долю, то при мошенничестве с долями оно может потерять всю землю, а значит и существенного натурального дохода. Арендная плата домохозяйствам за пользование земельным паем всегда выдавалась сельскохозяйственными производителями натурой и фактически являлась основой их подсобного хозяйства, излишки которой можно было всегда обменять или продать. Сейчас же владельцев паев, изначально получивших свою земельную долю в колхозе, остается все меньше, а их взрослые дети и внуки, большей частью перебравшиеся в города, продают свои паи, доставшиеся им по наследству. В результате товарные подсобные хозяйства фактически утратили доступную форму пополнения своих кормовых запасов посредством покупки или обмена излишков натуроплаты за паи у других домохозяйств. Крупным же сельхозпроизводителям невыгодно иметь дело с мелкими частниками, поэтому они или отказывают в продаже, или одобряют покупку, но по завышенной, относительно рыночной, цене. *«Вообще доходов нет. Я не обманываю. Корма ж нигде не возьмешь... Если раньше, к примеру, может быть, где-нибудь кто-то и продавал корма, то сейчас — нет... Если корма раньше были по 4 руб. за кг, то сейчас они — 8. Вот и в том году они уже были по 8 руб. Вот и все...»* (Краснодарский край, Каневской район, владелец товарного ЛПХ).

Арендаторы земельных паев, как правило, стараются не отказывать в помощи своим арендодателям, и, если последние обращаются к ним с обоснованной просьбой о помощи с кормами, то получают ее в разумных пределах, выше положенной нормы, но уже по себестоимости. Большинство респондентов, как из числа руководителей, так рядовых сельчан отмечали, что за последние несколько лет многие сельские жители, отказавшиеся от ведения подсобных хозяйств в «тучные» годы, сейчас пытаются заняться им снова. *«Сейчас люди больше стали заниматься подсобным хозяйством, и хотят им заниматься. У нас сейчас где-то около 120 голов быков держат люди, до ста голов коров — это, считая и хутор, у многих — гуси, утки, овцы, козы. Если, допустим, у тебя есть 4 или 5 бычков, ты приходишь и пишешь заявление главе администрации: “Прошу Вас выделить участок для выпаса быков”. Или — “для сенокоса”. Он рассматривает... “Пожалуйста, там есть... Сколько у тебя голов?” Я условно говорю... “Три головы... Тебе гектара — много, 50 соток хватит”. Все, пишем..., другой, третий... Она сейчас распределена, эта земля, между теми, кто хочет заниматься...»* (Краснодарский край, Каневской район, директор растениеводческого ООО).

Эта «радужная» картина, описанная одним из руководителей крупного растениеводческого предприятия, несколько диссонирует с ситуацией в неформальном секторе экономики домохозяйств, изложенной в интервью с рядовыми владельцами товарных ЛПХ. Действительно, большинство домохозяйств, по нашим опросам, хотели бы

заниматься товарным подсобным хозяйством, однако из-за роста цен на корма, энергоносители, разного рода услуги, в том числе и ветеринарные, отсутствие доступных рынков сбыта продукции, запреты на содержание тех или иных животных и птиц, и, как следствие, закупка ее оптовиками по очень низким ценам, владельцам такого рода хозяйств приходится сокращать поголовье крупного рогатого скота и переходить на выращивание мелких животных — овец, коз, кроликов и нутрий. Вместе с тем часть таких хозяйств вообще перешли на растениеводство, они строят теплицы для круглогодичного выращивания овощей, сейчас для этого строительный рынок предоставляет большой выбор материалов.

Однако, как показывает практика, мало кому из рядовых владельцев ЛПХ удастся сделать свое хозяйство рентабельным. Респонденты называли несколько причин нерентабельности товарного подсобного хозяйства в современных условиях, главными из которых являются: высокая стоимость кормов, отсутствие рынков сбыта и низкие закупочные цены. *«Если раньше мешок гранул для птицы стоил 700-800 рублей, цена мяса была, давайте про индейку, 250-280 рублей за кг. Сейчас цена мешка стала 1400, а мяса цена осталась та же. По бройлерам — то же самое. Сейчас для птицы, которая быстро растет, нужны специальные корма. Корма выросли в два раза, а цены на мясо — нет. Однодневный индюшонок стоит 300 рублей. Чтобы выкормить его, нужен мешок гранул. Это я так, просто утрирую... Значит, еще — 1400. Это получается, — вырастить индюка стоит 1700. Свой труд не считается. Вырастили индюка, а продать его невозможно. Как вы думаете, — какой богатый человек может заплатить за индюка 4-5 тысяч? Я — нет. Пенсия-то у всех одинаковая. Ну, допустим, я выращу яйцо, а продать его я не могу. Раньше стояло 5-6 машин скупщиков, скупали яйцо. Сейчас — ни одного... Если возить в Краснодар, там же тоже свои фабрики. Мест сбыта яйца нету, курей девать некуда, индюков девать некуда... Крестьянину доход — ноль»* (Краснодарский край, Каневской район, владелец товарного ЛПХ).

За последнее время у сельских домохозяйств существенно снизились доходы и этот факт в интервью отмечали многие респонденты. *«Раньше больше у людей денег было свободных, а сейчас — как-то меньше стало... Они сначала подумают, — им за коммуналку заплатить или что-то лишнее купить... Не бедствуют, но хуже стало, хуже»* (Краснодарский край, Каневской район, владелец товарного ЛПХ).

Одну из причин падения доходов сельских домохозяйств в последние годы респонденты видят в снижении зарплат и сокращении рабочих мест в городах. В результате этого некоторые сельчане, работавшие в городах потеряли работу, а их домохозяйства — существенную часть доходов. Возвратившись в село, бывшие отходники стали снова заниматься подсобным хозяйством. Однако земля, которая раньше была выделена

домохозяйствам под «вторые» огороды, к этому времени уже обрела новых хозяев, и распахана ими под пшеницу и подсолнечник. Так, например, на сегодняшний день площадь земельных участков ЛПХ в одной из станиц Краснодарского края, где проводилось исследование, сократилась в 4,5 раза по сравнению с 2012 годом, а средний размер такого участка не превышает 20 соток, большую половину которого занимают постройки.

Владельцы ЛПХ видят причину всех своих бедствий в чрезмерном росте и «аппетите» формального сектора, особенно, агрохолдингов, свинокомплексов и птицефабрик. Эти мегапроизводители, по мнению рядовых респондентов-владельцев товарных ЛПХ, фактически занимаются демпингом за счет снижения качества своей продукции, захватывая рынки сбыта и вытесняя таким образом с него небольших производителей неформального сектора. *«У нас в крае понастроили птицефабрик, мясокомбинатов, которые могут поставить на рынок недорогую курятину и свинину. Только здесь есть одно “но”, — это мясо выращивается на больших примесях, премиксах и так далее. Рассказываю. Если я жарю свою свинину, то она ужаривается, примерно, на 25%, а та — на 50%. Она такая волокнистая... И еще... Прихожу я в магазин и смотрю на свиные ребрышки, ножки. Они такие коротенькие... Ни один крестьянин поросенка в 120 кг резать не будет. Если вырастил до такого, дальше резать зачем? Он только начинает массу набирать, поэтому хозяин будет его откармливать килограмм хотя бы до 160. А там уже — и ребра большие, и ноги. А здесь я гляжу, — все детское лежит... Это что!? Это на премиксах он вырастает за шесть месяцев. Если в восемь месяцев режешь такую хрюшку, то у нее печень — наполовину тела. Она год не выживет, сдохнет... Мясо у нее рыхлое, она на племя не годится. На племя надо кормить совсем по-другому. И мы все это кушаем... Это все на наших детях, внуках отразится... И получится, что другого мяса они не будут знать, они его не ели и будут считать это мясо хорошим...»* (Краснодарский край, Каневской район, владелец товарного ЛПХ).

Вместе с тем, респонденты-владельцы и учредители крупных сельскохозяйственных предприятий, таких как ООО, в интервью отмечали «прозрачность» своего бизнеса, который в качестве юридического лица относится к формальному сектору экономики, и к отчетности которого поэтому предъявляются повышенные требования со стороны регулирующих и налоговых органов, в отличие от неформальных производителей — личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ). *«Сейчас в основном все наши ООО стараются работать легально, потому что у нас, я условно говорю, если ты не заплатил по одному пункту из налогов, а всего их 6, и, допустим, подаешь на субсидирование, но тебе говорят: “А Вы, молодой человек, не заплатили налог, заплатите налоги”. Ты платишь и снова подаешь на субсидирование, а в бюджете уже денег нет...*

Все, до свидания!» (Краснодарский край, Каневской район, учредитель растениеводческого ООО). *«Ну, в этих организациях, как у нас ООО, а их три у нас, все прозрачно как стекла. А вот в ЛПХ и ИП — это совсем другое дело...»* (Краснодарский край, Каневской район, руководитель животноводческо-растениеводческого ООО).

Земельные отношения в регионах с высокопродуктивным сельскохозяйственным производством по-прежнему остаются в центре внимания нескольких групп сельского населения. Среди них выделяется одна самая многочисленная и вместе с тем наиболее уязвимая, с правовой и финансовой точек зрения, группа — владельцы земельных паев. Именно такого рода незащищенность стала причиной тому, что последняя в настоящее время стала центральным звеном в переделе земельного рынка, сфокусировав на себе интересы практически всех его участников — фермеров, владельцев сельскохозяйственных предприятий и агрохолдингов. В результате в регионах идут нескончаемые суды по земельным вопросам, паи переходят из рук в руки, а их владельцы нередко в итоге мошеннических операций лишаются своих прав на землю.

Значительная часть социальной и инженерной инфраструктуры сельских поселений была построена еще во времена колхозов и совхозов, и в настоящее время критически нуждается в реконструкции и техническом перевооружении. Скудных бюджетов муниципальных образований зачастую не хватает на текущие расходы, поэтому поселковые администрации нередко обращаются за помощью по восстановлению инфраструктуры к местным руководителям крупных сельскохозяйственных предприятий, работающим в формальном секторе, для которых немаловажным аспектом их деятельности является сохранение своей репутации прежде всего у пайщиков, доверивших им свои земельные доли. Вместе с тем, по словам директора крупного растениеводческого ООО, несмотря на то, что расходы на социальную помощь и инфраструктуру достигают сотни тысяч рублей и ложатся бременем на себестоимость продукции их предприятия, они как жители поселения, понимают, что без их помощи эти проблемы решены не будут (*«...мы здесь живем... Кто нам придет и сделает!?»*).

С другой стороны, представители формального сектора жалуются на диспаритет цен, сложившийся на рынке энергоносителей и их продукции, который в дальнейшем может отрицательно сказаться на развитии этих предприятий, поскольку в этом случае им придется отказаться от планов по техническому перевооружению, расширению и модернизации своего производства. Однако они не теряют надежду на нормализацию ситуации на рынке. *«Мы надеемся, чтобы цены на энергоноситель и нашу продукцию были в какой-то пропорции... Если и дальше такая цена будет — восемь рублей на зерно, мы не выдержим, — какой бы мы урожай не собирали, как бы мы не работали... Тяжело будет, мы не будем развиваться,*

мы будем жить от зарплаты до зарплаты, а завтра не будем закупать ни новую технику, ни совершенствовать производство, как, например, у нас были планы — построить там мельницу, крупорушку, перерабатывающее производство... Мы, ну не в состоянии будем...» (Краснодарский край, Каневской район, руководитель крупного сельхозпредприятия).

Такая ситуация на рынке имеет негативные последствия не только для предприятий формального сектора, но также отразится и на «неформалах», для которых цены на корма могут оказаться неприподъемными. Вместе с тем, режим «от зарплаты до зарплаты» не позволит предприятиям формального сектора оказывать помощь социуму в прежних объемах, что, в свою очередь, приведет к дальнейшему разрушению инфраструктуры поселений и их стагнации. Несмотря на сложившиеся сложные отношения между представителями крупного бизнеса, относящегося к формальному и неформальному секторам, у этих предприятий, по мнению респондентов, все-таки имеется одно важное преимущество, по сравнению с агрохолдингами, — их руководители работают на территории тех же районов, где и живут. И поэтому они считают, что только их совместная жизнедеятельность может обеспечить развитие поселений, расположенных на этих территориях. *«Если КФХ и ООО будут жить, будет жить и наше поселение...»* (Краснодарский край, Каневской район, руководитель крупного сельхозпредприятия).

За последние годы часть субъектов сельского малого предпринимательства — владельцев магазинов, ремонтных мастерских и других предприятий сферы услуг, — из-за нерентабельности своего бизнеса вынуждены были продолжить свою деятельность в товарных ЛПХ. Например, по словам респондента — владельца двух сельских магазинов, по каждому из его магазинов числятся долги населения, зафиксированные в так называемых долговых книгах, превышающие 100 тысяч рублей, которые он уже не надеется получить, поскольку у людей за последнее время сократились доходы. В результате у него практически не осталось оборотных средств для ведения текущей деятельности при растущих издержках, поэтому, по его словам, он вынужден будет отказаться от своего бизнеса и заняться товарным ЛПХ. *«Сейчас нет сбыта... А налогов на предпринимательство около 40 тысяч. Я не зарабатываю эти деньги за год. Это очень дорого, если заниматься только предпринимательством. Я помню раньше, по-моему, двенадцать тысяч мы платили за год. Это приемлемо было... Допустим, сейчас 38, что-то такое... Я столько не зарабатываю»* (Краснодарский край, Каневской район, предприниматель и владелец товарного ЛПХ).

Однако и в сфере товарных ЛПХ не все благополучно. Основной проблемой, которую отмечали практически все респонденты, здесь по-прежнему остается сбыт готовой продукции, являющийся, на сегодняшний день, основным звеном в цепочке усилий производителей по обеспечению эффективной деятельности такого рода хозяйств. После

фактического упразднения заготконтор и потребительских кооперативов товарные ЛПХ остались вне сбытовой инфраструктуры, которая полностью перешла в «руки» формального сектора. Выйти напрямую на крупные рынки со своей продукцией владельцам товарных ЛПХ сегодня практически невозможно, и здесь не помогают ни регистрации, ни справки. Отказались от своей деятельности и «неформалы перекупщики», которые скупали продукцию по ценам ниже рыночных непосредственно в сельских домохозяйствах, а затем перепродавали ее на рынках. По мнению респондентов — владельцев ЛПХ, виной тому является «безудержная» деятельность «мегакомплексов» (агрохолдингов), нацеленная посредством использования административного ресурса к глобализации своих практик, наносящих ущерб не только неформальной экономике, но и всей системе жизнеспособности сельского населения.

Для оптимизации своих издержек и частичного решения проблем со сбытом продукции владельцы товарных ЛПХ пытаются объединять свои усилия. Зачастую небольшие группы таких домохозяйств, выращивающих одинаковую продукцию, объединяются для совместных действий по аренде грузового транспорта, подготовке к продаже партий продукции и вывозу ее на рынок. По словам одного респондента, владельца птицеводческого товарного ЛПХ, участника такого сбытового «кооператива», функционировавшего, несмотря на постоянно возникающие трудности, в течение последних двух лет, сегодня подобные практики убыточны и трудозатратны из-за жесткой конкуренции с «мегакомплексами», и поэтому члены «кооператива» были вынуждены отказаться от их использования.

По словам респондентов — владельцев товарных ЛПХ, крупные агрохолдинги видят в них своих конкурентов и поэтому делают все, чтобы ограничить производственные возможности «неформалов» и вытеснить их с рынка. Логика в данном случае предельно простая, — если формальному сектору удастся «задушить» товарные ЛПХ, то у населения не будет выбора, кроме как покупать продукцию, выращенную в агрохолдингах, несмотря на ее сомнительные, с точки зрения экологии, качества. В то же время у «неформалов», по сравнению с крупными производствами формального сектора, есть одно большое преимущество — это доверие потребителей. По словам респондентов, владельцы товарных ЛПХ дорожат этим доверием, поскольку их рынок сбыта сегодня, в большинстве своем, ограничен поселением, в котором они и производят, и живут, поэтому хозяйству достаточно один раз продать некачественную продукцию, и оно может потерять этот рынок (*«все все знают, — кто что добавляет и как выращивает»*; *«купил один человек плохую сметану, — полстаницы знает, что там сметана плохая, и к нему уже никто не пойдет»*). Доверие выступает здесь в качестве специфической формы социального капитала, постоянно

поддерживаемого неформальным информационным обменом во внутриселенческих сетях, и таким образом обеспечивающего доступ хозяйствам к рынкам.

Анализ результатов полуформализованных экспертных интервью с представителями различных групп сельского населения выявил тесную взаимосвязь между разными видами неформальной и формальной экономической деятельности в аграрных регионах. Вместе с тем, он показал, что малый неформальный бизнес, связанный с аграрным производством, играет важную роль в обеспечении устойчивого регионального развития, компенсируя и снижая риски, с которыми сталкиваются сельские домохозяйства в процессе своей жизнедеятельности. Однако в современных нестабильных условиях рыночной экономики эта форма бизнеса не может эффективно развиваться без реальной поддержки со стороны государственных институциональных структур и различных видов формальной экономической деятельности, связанной с аграрным производством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой опыт исследования сферы неформальной экономики насчитывает не один десяток публикаций. Это обусловлено в первую очередь ее активным развитием в XX веке во времена всеобщей стандартизации и лицензирования государственными институтами экономической деятельности. Однако, рассматривая феномен неформальной экономики, различные исследователи были уверены в том, что это всего лишь арена для выживания бедных в маргинальных пространствах – временный вымирающий тип. Эволюция же доказала обратное – неформальная экономика жизнеспособна и наращивает свои позиции, следуя за экономическим ростом. Отставание в ее изучении советско-российского научного сообщества от общего тренда можно объяснить господством монополии государства на ведение экономической деятельности и тотальным контролем ситуации. В таких условиях неформальная экономика не могла развиваться и тем самым ее ничтожность упускалась в рамках генерализации научных исследований.

Разложение советского строя в результате трансформационных реформистских процессов в постсоветской России породило процесс актуализации неформального сектора экономики. В 1990-е годы эта ранее заангажированная статья выходит на поверхность и проявляется во всей своей палитре красок и тонов. Вырвавшись из четких рамок плана, экономика молодого государства порождает все новые и новые виды «неформальности». Если в советское время факты такого рода носили эпизодический характер, то в 1990-е годы неформальные виды хозяйствования охватили большие экономические пространства, став для некоторых слоев общества единственным шансом выжить в непростых условиях «дикого капитализма». На современном этапе развития экономических связей в России неформальный сектор экономики играет важную роль. Она важна, поскольку дальнейшее стимулирование устойчивого экономического роста на фоне усиления глобализационных тенденций в разных сферах современного общества возможно только в том случае, если стратегические и политические инициативы, обеспечивающие такой рост, не упустят из вида и будут всесторонне поддерживать, стимулировать и развивать инновационный потенциал неформальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. №8.
- 2 Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. 1996. Вып. 1 / Под ред. Т. Шанина, В. Данилова. М., 1996.
- 3 Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.
- 4 Fadeeva O., Nikulin A., Vinogradsky V., Vinogradskaya O. Informal economy of rural households: restructuring of family networks and strategies // The Social Impact of Informal Economies in Eastern Europe. Burlington, 2002.
- 5 KASS, 2005 // URL: <http://www.eth.mpg.de/kass>.
- 6 Никулин А. От пост-колхоза к олигархозу // URL: <http://www.hse.ru/mag/ecsoc/2010-11-1/26595398.html>.
- 7 Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. 2011. Вып. 6 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2011.
- 8 Богданова Е. Антропология деревенской двухэтажки или к вопросу о неудавшихся проектах власти // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5 / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М., 2006.
- 9 Depressed villages: inherited poverty? // URL: <http://www.irk-center.ru/?prj=16>.
- 10 Rural communities in the Baikal region: The strategies of developing natural resources in the framework of the local government reform // URL: <http://www.irk-center.ru/?prj=19>.
- 11 Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press, 1998.
- 12 Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance, Yale University Press, 1985.
- 13 Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia, Yale University Press, 1974.
- 14 Humphrey C. Marx Went Away But Karl Stayed Behind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
- 15 Pallot J., Nefedova T. Russia's Unknown Agriculture. Oxford, 2007.
- 16 Ries N. Potato anthropology: Surviving postsocialism in Russia // Cultural Anthropology. 2009. Vol.24. №2.
- 17 Lindner P. Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft. Bielefeld, 2008.
- 18 Visser O. Crucial connection: The persistence of large-farms enterprises in Russia. PhD dissertation, 2008.

- 19 Allina-Pisano J.T. The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge University Press, 2008.
- 20 Радаев В. Экономическая социология. М., 2005.
- 21 Барсукова С. Неформальная экономика. М., 2009.
- 22 Радаев В. Формирование структуры продовольственных рынков в России в процессе ее интеграции в мировое хозяйство // Экономический журнал ВШЭ. 2007. №3.
- 23 Барсукова С., Овчинникова Ю. Неформальные способы реализации формальных намерений или как реализуется Приоритетный национальный проект «Развитие АПК». М., 2007.
- 24 Informal economy key segment, make it more productive // Business Daily. June 5, 2016.
- 25 Reimer B. The Informal Economy in Rural Canada // Concordia University. Montréal. 2001. URL: <http://nre.concordia.ca/ftprootFull/ReimerInformalEconomyCERF.pdf>.
- 26 Felt L.F., Sinclair P.R. Everyone Does It: Unpaid Work in a Rural Peripheral Region. Institute of Social and Economic Research. 1992.
- 27 Ommer R. The Informal Economy in Newfoundland // Transition. June 1994.
- 28 Pahl R.E. Divisions of Labour. Basil Blackwell, 1984.
- 29 Williams C.C., Windebank J. Informal Employment in the Advanced Economies: Implications for Work and Welfare. Routledge, 1998.
- 30 Smith P. Assessing the size of the underground economy: the Statistics Canada perspective // Canadian Economic Observer. 1994. №16.
- 31 Mirus R., Smith R.S., Karoleff V. Canada's underground economy revisited: update and critique // Canadian Public Policy. 1994. Vol.XX.
- 32 Statistics Canada. Households' Unpaid Work: Measurement and Valuation. Ottawa: Statistics Canada. 1995. №3.
- 33 The reliability of the Canadian National Accounts estimates // Canadian Economic Observer. 1990.
- 34 Jackson. The value of household work in Canada, 1986 // National Income and Expenditure Accounts. First Quarter, 1992.
- 35 Statistics Canada. Households' Unpaid Work: Measurement and Valuation. Ottawa: Statistics Canada. 1995. №2.
- 36 Ratner S. The Informal Economy in Rural Community Economic Development. University of Kentucky, 2000 // URL: <http://www.rural.org/publications/reports.html>.
- 37 Hart K. The Memory Bank: Money in an Unequal World. Profile Books, 2000.
- 38 Benhabib J., Rogerson R., Wright R. Homework in macroeconomics: household production and aggregate fluctuations // Journal of Political Economy. 1991. Vol.99. №6.

- 39 Becker K. F. The informal economy: Fact finding study Department for Infrastructure and Economic Co-operation. Sida 2004. Stockholm. 2004 // URL: <http://www.rrojasdatabank.info/sida.pdf>.
- 40 ILO, Women and Men in the Informal Economy. A Statistical Picture, 2002.
- 41 The individual business household sector in Vietnam. LEACO Law Firm, 2002.
- 42 Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005.
- 43 Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998.
- 44 Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М., 2015.
- 45 Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М., 2016.